

ГИБЛОЕ МЕСТО

АНТОН
ГРАНОВСКИЙ

ВЛАСТЕЛИН ВИДЕНИЙ



Гиблое место

Антон Грановский
Властелин видений

«ЭКСМО»

2010

Грановский А.

Властелин видений / А. Грановский — «Эксмо», 2010 — (Гиблое место)

Журналисту Глебу Орлову, попавшему из современности в девятый век, еще никогда не доводилось сталкиваться с таким смертельно опасным и могущественным противником. Порождение Гиблого места – Пастырь, вознамерившийся стать Богом и при помощи насылаемых видений покорить реальный мир, уже приобрел множество сторонников. Прозванный Первоходом Глеб с тремя спутниками вновь отправляется в самое сердце Гнилой чащобы, чтобы спасти будущее родной страны. Но пророчество колдуньи предупреждает его о том, что Гиблое место обязательно получит свои жертвы, а погубить Пастыря сможет только женщина...

© Грановский А., 2010

© Эксмо, 2010

Содержание

Пролог	5
Глава первая	10
1	10
2	13
3	17
4	19
5	21
6	25
Глава вторая	29
1	29
2	31
3	34
4	37
5	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Антон Грановский

Властелин видений

Пролог

Рыбалка – вещь хорошая, ежели ловить рыбу сетями или неводом. А ежели стоять в лодке с удой в руках и часами глядеть на воду – это уже получается не рыбалка, а какая-то глупость...

Мальчик вздохнул, вытер мокрую, пропахшую речной тиной руку о штаны и посмотрел на дно лодки. Прямо у его ног лежала большая берестяная сумка, а в ней – пять грузил в ивовой оплетке, запасная леса, железные сошила, ботало и распорки для сетей.

«Зачем деду сошила и распорки? – хмуро подумал мальчик. – У него и сетей-то с собой нет».

Он взглянул на старого Гореслава. Руки у деда были загорелые и сильные, совсем не такие, как у отца. Нанизывая червей на крюк, дед поучал своим сухим и трескучим голосом:

– Для жаберных сетей бери грузики из камня. Для волоковых – известняковые и глиняные.

– Да, деда, ты уже говорил, – кивнул мальчик и, незаметно для старого Гореслава, с тоскою поглядел в сторону берега.

Дед сдвинул брови:

– А ты не перебивай. Слушай да мотай на ус. Глядишь, и поумнеешь.

Старый Гореслав поправил на лесе поплавок, сложенный из большого куска сосновой коры, и хлестко забросил крючок с надетой на него гроздью дождевых червей в речную воду.

Мальчик посмотрел, как крючок и глиняный грузик уходят на дно, вздохнул и спросил:

– А почему мы ловим на уду, а не на сети?

Старый Гореслав облизнул обветренные губы, усмехнулся и сказал:

– Знаешь поговорку «Будет уда – будет и еда»?

– Мы тут уже полдня сидим, – хмуро напомнил мальчик.

Дед покосился на него насмешливыми глазами и назидательно проговорил:

– Запомни, внук: боги не прибавляют к счету времени жизни то время, которое ты провел на рыбалке.

Минуты две мальчик старательно таращился на поплавок. Сначала тот был неподвижен, а потом на него села большая разноцветная стрекоза и стала легонько раскачивать его из стороны в сторону. Мальчик зевнул. Нет, ловить рыбу удой – это всё-таки глупость. Куда веселее бить ее спицей.

Мальчик вспомнил, как на исходе прошлого лета охотился с дедом на прибрежную рыбу. Несколько вечеров подряд ходили они вдоль берега с факелом-жирником, выискивая спящих рыб. На маленьких рыб они внимания не обращали. Те приходили и уходили, порхая в рыбной полумгле, как бабочки. Об эту пору у берега всегда табунится разнорыбица. Но они с дедом искали больших брюхатых щук. «Нет на свете ничего вкуснее мяса со щучьего брюха!» – любил говаривать старик Гореслав.

Дед бил щук так ловко и метко, что любо-дорого было посмотреть. Резкий бросок – и спица хлестко вонзается в спину рыбы. После этого дед быстро и осторожно сматывает прожилину и подтягивает подбитую щуку к берегу.

«Вот это я понимаю – рыбалка!» – подумал мальчик, улыбаясь своим мыслям. Взгляд его снова упал на поплавок, и улыбка сошла с губ. Мальчик зевнул, перевел взгляд на деда и окликнул:

– Дед, а дед?

– Чего тебе? – отозвался старый Гореслав.

– А правда, что раньше ты был хорошим купцом?

– Был, – кивнул дед. – А теперь я хороший рыбак.

– А мамка с батькой говорят, что твоя рыбалка – это баловство.

Дед нахмурился и сердито проговорил:

– А ты их поменьше слушай. Батя твой – беспутный человек, проел да пропил всё, что я ему завещал.

Мальчик подумал и возразил:

– У него есть лавка на торжке.

– Есть, – согласился Гореслав. – А при мне было четыре!

Глядя на сухое морщинистое лицо деда, мальчик припомнил недавний разговор. Батя, думая, что он спит, бубнил мамке за шторкой, наминая ей живот:

– Этот старый леший Гореслав припрятал где-то золотишко. Сварогом клянусь, что припрятал!

– С чего ты взял? – постанывая, отозвалась мать.

– Он всегда меня терпеть не мог. Кабы Гордейка, мой старший брательник, не помер, всё бы ему оставил. Он и сейчас уверен, что это я Гордейку-то... того... ножичком в бок.

– Типун тебе на язык.

– А что – может, и правда я.

Батя тихо заржал.

– Типун тебе на язык... – повторила мамка хриплым голосом.

– А чего, думаешь, не смог бы? Думаешь, мне слабо?

– Тебе... о, боги, не останавливайся... нет... нет... не слабо... типун тебе...

Мамка застонала, а батя шумно вздохнул и сказал:

– Может, и впрямь зарезал. Но ты поди сперва докажи.

– Он же оставил тебе свои лавки и весь товар.

Батя зло проронил:

– А золото? Золото где?

– Да, может, и не было его – золота-то? – тихо возразила мать.

– Врешь. Было!

– Ну, и где ж оно теперь?

– А кто его знает? Может, в лесу зарыл. А может, в речке притопил.

– Так ведь стар Гореслав, скоро помрет. Пропадет тогда золото-то?

– Пропадет, – согласился батя.

– Так, может, поедешь к нему да порасспросишь?

– Скорей уж тебе расскажет. А чего – подластишься к нему, как кошка. Он хоть стар, да не немощен.

– Типун тебе на язык! Дурак!

Батя опять заржал.

– Вот разве что щенку нашему расскажет, – сказал он затем. – Они, кажись, спелись.

– Хочешь снова отправить его к Гореславу?

– А чего? И отправлю. Глядишь, и выведает.

Мальчик качнул головой, прогоняя воспоминания, затем снова взглянул на деда и негромко окликнул:

– Дед, а дед?

– Чего тебе?

– А ты правда золото зарыл?

– Какое еще золото?

– Батя, когда мамке живот мял, про золото говорил. Дескать, спрятал ты его. А еще говорил, что дядьку Гордея ножичком в бок кольнул и в овраг бросил.

Старый Гореслав дернул щекой.

– Дурак твоя батя, – сердито проговорил он. – Всегда был дураком, и помрет дураком. И ножичком он никого не колол. Кишка у твоего батьки тонка, чтобы Гордейку кольнуть.

– А за что тогда ты его не любишь? – поинтересовался мальчик.

– За дурость, – ответил дед. – И за алчность.

– А...

– Погодь. – Дед напряженно уставился на поплавок. – Кажись, клюнуло!

Поплавок взбултыхнулся, а потом резко ушел под воду. Леса натянулась.

«Крупная рыба, – подумал мальчик взволнованно. – Ежели то не какая-нибудь коряга или недоеденная раками дохлятина, навряд ли утоплой собаки или кошки».

– Хватай сачок! – рявкнул дед.

Мальчик схватил сачок.

– Когда подведу к лодке – подцепляй!

Старый Гореслав стал помалу травить лесу, утомляя рыбу и заставляя ее выйти из глубины наверх. Мальчик, сжимая в руках сачок, в нетерпении подался вперед.

– Давай же, – взволнованно шептал он, глядя на серую речную воду, под толщей которой скрывалась огромная рыба. – Давай.

Что-то огромное и темное прошло под лодкой. Сачок задрожал в руках мальчика. Рыба и впрямь была огромная.

– Сейчас! – крикнул дед. – Готовсь!

И тут что-то ударило в борт лодку. Лодка сильно качнулась, и мальчик, выронив сачок, вцепился пальцами в борт лодки.

И снова рыба стукнулась в лодку – и на этот раз так сильно, что дед потерял равновесие, качнулся и перелетел через борт.

– Деда! – испуганно крикнул мальчик, сам едва не упав в воду.

Огромная черная тень снова пронеслась под водой. Старый Гореслав, мокрый, перепуганный, повернулся к мальчику и хотел что-то сказать и даже открыл для этого рот, но вдруг резко ушел под воду, будто кто-то дернул его за ноги.

– Деда! – Мальчик навалился животом на борт и протянул руку. – Деда!

Дед вынырнул из воды, рывком дернулся к лодке, схватился пальцами за борт и стал вытягивать свое туловище из реки. Мальчик схватил его за мокрую рубаху и изо всех сил потянул на себя. И снова огромная тень очернила воду. Сухопарое, мускулистое тело деда дернулось. Он вскрикнул, быстрым судорожным движением схватил со дна лодки нож-косарь и, проехав по борту тощим животом, снова ушел под воду.

– Деда... – испуганно зашептал мальчик, вцепившись в край борта и вглядываясь в воду расширившимися от ужаса и горя глазами. – Деда, не помирай. Только не помирай.

Вода забурилась и окрасилась кровью.

Дед снова вынырнул.

– Помоги мне забраться! – прохрипел он.

Мальчик схватил деда за рубаху, заметив, что теперь вся она покрыта вязкими пятнами крови и ещё чего-то – склизкого, темного, страшного.

– Тяни! – прохрипел старый Гореслав.

Мальчик потянул – дед, перевалившись через борт, упал на дно лодки и хрипло перевел дух. А потом дед задышал – тяжело, шумно. Он всё дышал и дышал и никак не мог надышаться. А когда надышался, сказал:

– Уф-ф... Вот это рыбица. – Потом разжал мокрый кулак и взглянул на ладонь. – Вот леший... – удивленно проговорил он. – Чего это, а?

Широкая, мозолистая ладонь деда была испачкана кровью, а в самой серёдке лежала какая-то штуковина, маленькая, не больше цветочного лепестка.

– Откуда это, деда? – испуганно спросил мальчик, всё ещё находясь под впечатлением схватки с рыбиной.

– Видать, вырвал у рыбины из брюха, вместе с кишками, – отозвался старый Гореслав, разглядывая мерцающую штуковину.

Вдруг штуковина засияла.

– Деда... – пробормотал, заворуженно глядя на нее, мальчик.

А она разгоралась всё ярче и ярче. Свет охватывал всё вокруг. Дед уселся в лодке и уставился на штуковину расширившимися глазами. На губах его вдруг заиграла улыбка.

– О, боги... – зашептал он морщинистыми губами. – О, боги...

Он стал подниматься на ноги, не сводя глаз со сверкающей штуковины. А поднявшись, вскинул вдруг над головой руки и крикнул:

– Да прольется дождь!

И вдруг всё засверкало и заискрилось вокруг, а с неба прямо в лодку посыпались крошечные золотые монетки. Дед засмеялся. Потом оглядел кучу золота, лежащую в лодке, и весело сказал:

– Ну, пока хватит!

Дождь прекратился.

– Ну? – усмехнулся старый Гореслав, глядя на мальчика. – Каково?

– Здорово, деда! – восторженно откликнулся мальчик.

Он протянул руку к золоту, но дед вдруг хлопнул его ладонью по руке.

– Охолони! Не твоё – не лезь!

Он повернулся к золоту, отгораживая его от мальчика спиной, нагнулся и стал сгребать его пригоршнями в кучу, приговаривая:

– Моё золото-то... Моё...

Мальчика вдруг обуяли ярость и обида. За что вот так? Ведь золото упало с неба! А стало быть – оно общее и ничьё!

– Щенок... – продолжал бормотать старый Гореслав, всё сгребая и сгребая золото. – Весь в батьку... Козлиное племя... Всегда знал, что Лесана его от обувщика Мойши-жидовина прижила... Потаскуха...

Мальчик сам не заметил, как снял с уключины весло. Оно было тяжелое и мокрое.

– Деда, – позвал он, подрагивая от волнения, обиды и ярости. – Деда!

– Ась! – Дед повернулся, и в это мгновение широкая, мокрая лопасть весла врезалась ему в лицо.

Дед шатнулся в сторону, повалился через борт и рухнул в воду. Темная вода реки сомкнулась у него над головой.

Несколько секунд мальчик стоял неподвижно, сжимая в руках весло и изумленно глядя на воду. Потом швырнул весло в лодку и метнулся к борту.

– Деда! – в ужасе крикнул он. – Деда, нет!

Но звать было поздно – старый Гореслав отправился на дно кормить рыб, лишь легкое облачко крови из разбитой головы вспорхнуло на поверхность и расплзлось по воде багровым, пузырчатым пятном.

Мальчик опустил в лодку, закрыл лицо ладонями и зарыдал. Он плакал долго и безутешно, всхлипывая и то и дело повторяя: «Деда, нет... Деда». Когда же, наконец, мальчик отнял ладони от лица и посмотрел на дно лодки, никакого золота там уже не было. Лишь лежала среди разбросанных крючков и грузиков оброненная дедом штуковина. Маленькая, мерцающая и переливающаяся всеми цветами радуга.

«Возьми меня! – будто бы говорила она. – Ну же – возьми!»

Мальчик вытер ладонью мокрые глаза, чуть-чуть поколебался, а затем, не в силах противиться тихому зову, протянул руку к штуковине...

Глава первая В подземелье

1

Хорошее место спортбар. Даже днем. Народу мало, цены божеские, еда – тоже ничего себе. Бизнес-ланч – 190 рублей. Грибной суп-пюре, свиной шашлык, салатик. Красота!

«Не знаю, как кому, а мне нравится», – думал Глеб, с удовольствием уминая ароматное, хорошо прожаренное мясо.

Катя Королькова, похоже, была не в особом восторге от заведения. Не морщилась, конечно, но всем своим видом показывала, что, дескать, «это всё хорошо, но из другой оперы». Понтуется, ясное дело. А сама обожает загородные пикники – с одноразовыми тарелочками, подгоревшим на костре мясом и пакетным вином из пластиковых стаканчиков.

Проглотив мясо и запив его минералкой, Глеб откинулся на спинку стула и блаженно проговорил:

– Лепота... Как всё-таки хорошо быть дома.

– Дома? – Катя вскинула аккуратные бровки. – Орлов, ты что, сбрендил? Ты же в ресторане.

– Я имел в виду не квартиру, а...

– А что?

Глеб усмехнулся:

– Москва, начало двадцать первого века – вот мой дом.

Глаза Кати насмешливо заискрились.

– Большой у тебя дом, Орлуша. Продашь комнатку со скидкой?

– Легко! С видом на вечность. – Глеб посмотрел на Катю мягким взглядом и с улыбкой проговорил: – Ох, Катюха, как же я рад тебя видеть!

Катя усмехнулась, аккуратно промокнула уголки губ салфеткой и иронично заметила:

– Ты точно перегрелся в солярии.

Глеб покачал головой:

– Это не солярий. Это солнце надежд и ветер перемен. Они прокоптили и выдубили мою кожу.

– Бла-бла-бла. Кстати, прочитала твою статью про новый мультиплекс «Романов».

– И как?

– Честно, без обид?

Глеб кивнул:

– Угу.

– Жесть! Романов тебя теперь точно закопает.

– Кто кого закопает – это ещё вопрос. Романов сегодня есть, а завтра нет. А журналистика жива всегда.

Глеб нанизал на вилку последний кусочек шашлыка и с торжественным видом отправил его в рот. Катя посмотрела на его напыщенную физиономию и засмеялась.

– Когда накроешь поляну? – посмеиваясь, спросила она.

– Поляну? Это в честь чего же?

– Конкуренты Романова тебе наверняка отстегнули кучу зелени. Или я не права?

Глеб сделал возмущенное лицо.

– Что ты! Я честный парень.

– Кто спорит. Так когда банкет? Мы с Фенделем сегодня это уже обсуждали и решили, что ты должен сводить нас в «Причал».

Глеб засмеялся.

– Ну, вы и волки! О'кей, «Причал» так «Причал»!

Глеб допил минералку, поставил стакан на стол и слегка поежился от тепла и уюта. Господи, он так давно отвык от уюта. Хотя...

Он слегка тряхнул головой.

Что за глупые мысли? Когда это он успел отвыкнуть? Ах да! Он ведь был в аномальной зоне под названием «Гиблое место». Старик Бахтияр водил его в лес. Там Глеб выдул бутылку коньяка и... При воспоминании о том, что было дальше, Глеб слегка поморщился. Кажется, коньяк оказался палёным. Даром что «Кутузов». Чудо одноглазое!

Глеб снова взглянул на Катю. Темная челка, серые глаза, нежный овал лица, изящные руки. А ведь она ничего. Даже красивая. Как это он раньше не замечал?..

Глеб усмехнулся: да замечал, конечно. Но как-то так получилось, что они сразу стали друзьями. Как говорится, «минуя стадию постели».

А может, зря?

Глеб еще пристальнее взгляделся в лицо Кати. Встретившись с ним глазами, Катя нахмурилась и спросила:

– Ты чего, Орлуша?

– Ничего. Любуюсь.

– Издеваешься? – Катя тронула пальцами верхнюю губу. – У меня что-то на губе? Или на щеке? Ну, говори же, не томи!

– Да всё с тобой в порядке. Просто я подумал... – Глеб чуть прищурился. – Слушай, а может, ну его, этого Фенделя? Посидим вдвоем. Нет, правда: я уже давно собирался пригласить тебя куда-нибудь на ужин.

Несколько секунд Катя с удивлением смотрела на Глеба, потом хмыкнула и сказала:

– Говоришь, ветер перемен? А этот ветер перемен не выдул тебе последние мозги?

– А что такого-то? Ты привлекательна, я – чертовски привлекателен. Кое-кто считает, что мы с тобой неплохо смотримся вместе.

Глеб чуть нагнулся вперед, протянул руку и накрыл ладонью пальцы Кати. Она слегка покраснела и попыталась высвободить руку, но Глеб не дал.

– Так как ты на это смотришь? – спросил он, продолжая разглядывать Катю.

Она слегка поежилась под его взглядом и недовольно проговорила:

– Орлуша, такими вещами не шутят.

– А я и не шучу, – мягко возразил Глеб. – Я на полном серьёзе. Пошли куда-нибудь сходим вечером. Выбор заведения за тобой.

Катя взволнованно облизнула губы кончиком языка.

– А как же твоя новая пассия из бутика «Роз-Марин»? – тихо спросила она.

– Я уже отправил ее в отставку.

– За что это?

Глеб усмехнулся:

– За нарушение субординации. Она, видите ли, не любит, когда я курю в постели.

Катя тряхнула головой, словно прогоняла затмившую на мгновение глаза пелену, и снова взглянула на Глеба насмешливо.

– Дурак ты, Орлуша. Дурак и не лечишься.

– Почему?

– Когда приглашаешь девушку на свидание, нельзя говорить с ней о другой девушке. Тем более о той, которой ты «дал отставку».

Глеб нахмурился:

– Королькова, брось понтоваться. Мы же с тобой старые боевые товарищи.

– Вот как? Это в таком качестве ты приглашаешь меня в ресторан?

Глеб поморщился:

– Кать, опять ты.

Несколько секунд Катя вглядывалась в его лицо, потом вздохнула и сказала:

– Нет, Орлов. Я слишком хорошо тебя знаю, чтобы ложиться с тобой в постель. Был бы ты приличный парень, а ты... – Она не закончила фразу и потянулась за соком.

– Ну, и кто же я? – прищурился Глеб. – Договаривай.

– Ты? – Катя пожала плечами. – Ты сукин сын.

Глеб усмехнулся.

– Не слишком-то лестно.

– Зато правда.

Некоторое время Глеб сидел молча, исподлобья поглядывая на Катю. Потом сдвинул брови и сердито проговорил:

– Нам принесут когда-нибудь кофе? Эй, официант! У вас там что, тихий час?

– Перестань, – зашипела на него Катя. – Ты чего такой бешеный?

– Да ничего. Просто не люблю нерасторопных официантов. Набирают по объявлениям...

От стойки отделился официант в желтой футболке с красным логотипом бара. В руке он нес поднос с двумя чашками кофе.

– Ну, наконец-то, – ухмыльнулся Глеб. – Дождется он у меня чаевых, как же.

Официант подошел к столику и уже хотел поставить белые чашки с кофе на стол, но вдруг обо что-то споткнулся. Одна из чашек повалилась набок, и горячий ароматный напиток выплеснулся Глебу прямо на рукав пиджака.

– Ш-ш-ш! – зашипел Глеб и затряс рукой. – О, боги! Какого хрена ты делаешь, приятель!

– Простите, – пролепетал официант. – Я всё вытру.

– Да уйди ты! – Глеб оттолкнул официанта локтем и задрал промокший рукав пиджака и водолазки, чтобы оценить масштаб разрушений. На предплечье красовалось красное пятно ожога. Но не это заставило сердце Глеба сжаться от испуга и внезапного приступа тоски. Чуть выше пятна от ожога на предплечье красовались узкие белесые шрамики. Их было шесть.

– О, боги... – прошептал Глеб и медленно поднял взгляд на официанта.

Сверху на него смотрела безобразная рожа упыря. Упырь отшвырнул поднос и, выставив желтые когти, бросился на Глеба.

– Нет! – закричал Орлов – и проснулся.

2

Вокруг был полумрак, лишь чуть-чуть подсвеченный бледным светом, льющим в крохотный квадрат окна под потолком. Плотный утоптаный земляной пол, покрытый полусгнившей соломой, по углам – светлая наледь, прямо перед глазами – железные прутья клетки.

До боли знакомый интерьер. Перед клеткой в земле – черная воронка, что-то вроде сточной ямы.

Руки Глеба были скованы, а от оков к железному кольцу в стене вела цепочка. Всё ещё сонно моргая глазами, Глеб машинально подергал цепочку, проверяя кольцо на прочность.

– Исчезли, как дым, дни мои, и кости мои обожжены, как головня, – услышал он рядом негромкий старческий голос. – Не сплю я и сижу, словно одинокая птица на кровле. Я ем пепел, как хлеб, и питье мое растворяю слезами. Дни мои – будто уклоняющаяся тень...

Глеб повернул голову на голос и увидел за прутьями решетки узника. Это был длиннобородый старец-богомolec, одетый в сильно заношенный сермяжный кафтан.

Глеб приподнялся на соломе и потер ладонью затекшее плечо.

– Давно я тут? – спросил он у старика.

– С утра, – ответил тот.

– А сейчас что?

– Часа три пополудни.

Глеб поднялся на ноги и сделал несколько резких движений, разгоняя кровь по озябшему, окостеневшему телу. Рана от ядовитой стрелы чуть побаливала – впрочем, серьезной она не была. Сонное зелье. Его просто хотели усыпить. И, судя по всему, у них это получилось.

А кто такие эти «они»?...

Продолжая разогреваться, Глеб задумчиво нахмурился. Последнее, что он помнил, это лесную дорогу и перепутье... День был хороший, солнечный, и настроение у Глеба было приподнятое. Ну, конечно, приподнятое. Ведь он возвращался из Гиблого места. Целым и невредимым!

А потом? Что было потом? Кто пустил в него отравленную стрелу?

Глеб напряг память. Чёрт возьми, да откуда же он может знать, кто пустил в него стрелу?! Ублюдки напали сзади. Вероятней всего, засели в вересовых кустах – близ распутья этих кустов много, целые заросли.

Перед клетками кто-то зашевелился и засопел. Только сейчас Глеб увидел, что у темного прохода, в углу, сидит на лавке охоронец. В броне, в шеломе, с кинжалом на боку. Сидит, опершись руками и щекой на бердыш, и дремлет, прищепывая толстыми губами.

Глеб вновь взглянул на клетку старика. Теперь он заметил еще двух узников. Один, крупный, чернобородый, лежал на соломе, кверху лицом, и негромко похрапывал во сне. Второй сидел в дальнем углу клетки, и лица его Глеб не разглядел.

– Кто твои соседи? – спросил Глеб у богомольца.

– Этот вот... – богомolec кивнул на человека, сидевшего в дальнем углу клетки, – ... Толмач. А тот, что спит, разбойник.

– Разбойник? Не повезло тебе с соседством, старик.

Богомolec посмотрел на спящего чернобородого мужика и улыбнулся.

– Да нет, он добрый. Уставший только. Его уже два дня пытаются. Зубы выбили, ногу перешибли. Крест вон на груди выжгли.

– Крест? – удивился Глеб. – Он что, христианин?

Богомolec качнул головой.

– Нет. Он из ваших, язычников.

– А зачем тогда крест?

– Готовили для меня. Да я, вишь, стар и немощен. А дрова на разогрев уже потратили. Вот и прижгли его – не пропадать же добру.

Глеб усмехнулся:

– Бережливые, гады. – Он снова поежился и принялся растирать ладонями цепенеющие от холода бока, тихонько напевая:

Нам разум дал
Стальные руки-крылья,
А вместо сердца —
Пламенный мотор...

– Эй, полонец! – пробасил из своего угла верзила в броне. – Заткни хавало, пока я тебе зубы не пересчитал.

Глеб глянул на него с недобрым прищуром и холодно поинтересовался:

– Ты считать-то умеешь, валенок?

– Чтоб тебе зубы пересчитать, у меня счета хватит, – отозвался верзила-охоронец. – Не высовывайся, Первоход. У меня приказ: ежели что – ломать тебе ноги и руки.

Богомолец взглянул на Глеба удивленно.

– Так ты тот самый Первоход? Слышал я, за твою голову назначена большая награда.

– Судя по тому, что я здесь, кто-то её уже получил, – мрачно проговорил Глеб.

– Ты заткнешься, смерд? – снова прорычал охоронец. – Или переломать тебе кости?

– Иди и попробуй, – сказал Глеб. – И бердыш свой не забудь. Будет что вбить тебе в глотку.

Охоронец, сжав в руках бердыш, стал угрожающе подниматься с лавки. Старик посмотрел на него и испуганно пробормотал:

– Первоход, не стоит тебе с ним пререка...

Вдруг невидимая во мраке дверь с лязгом открылась. Охоронец вскинул голову и грозно окликнул во тьму:

– Кто там еще?

– Чего раскукарекался, лапоть! – последовал жесткий ответ. – Это я, тетка Новожила. Меня княгиня прислала.

Из тьмы выплыла худенькая старушенция, закутанная в платы и телогрейки.

Охоронец поднялся с лавки и хотел встать у нее на пути, но старушенция, не церемонясь, отпихнула его тощей, сильной рукой и прошла к железным прутьям клетки.

– Куды?! – зарычал ей вслед охоронец.

– Отвар ему целебный принесла, куды. По князьему указу. Он твою дурью башку от Голяди спас, а ты кукарекаешь. Будешь мешаться, всё расскажу княгине!

Только сейчас Глеб разглядел в руках у старушки глиняную крынку.

– Этого полонца не велено поить, – угрюмо проговорил охоронец.

– Да ну? – усмехнулась старуха. – А кто ж меня тогда сюды пустил?

Охоронец поскреб пятерней в затылке, сдвинув шелом на лоб и сказал:

– Я не знаю.

– Вот то-то и оно, что не знаешь. Ступай в свой угол и не путайся под ногами.

Старушка взяла лавочку и поставила ее у клетки. Затем уселась и протянула Глебу крынку.

– Пей, полонец.

Глеб взял крынку, аккуратно пронес ее меж прутьев решетки, поднес ко рту, отхлебнул отвар и поморщился.

– Что за дрянь!

Он протянул крынку обратно старухе.

– До дна пей, – строго сказала она.

– Тебе надо, ты и пей.

Старуха сдвинул брови.

– Выпьешь до дна – увидишь добра, а не выпьешь до дна – не видать тебе добра. Ну!

Глеб готов был поклясться, что старушка ему лукаво подмигнула. Что это значило, он не понял, но снова поднес крынку к губам.

Глоток... Еще глоток... И еще...

Что-то легонько стукнуло Глеба по губам. Он отнял крынку ото рта и, покосившись на охоронца, сердито грызущего ногти у кирпичной стены, запустил пальцы в крынку.

Старуха одобритительно кивнула и тоже быстро глянула на охоронца. Тот по-прежнему был занят своими ногтями.

Глеб достал из крынки кольцо с двумя ключикам и вопросительно посмотрел на старуху.

– Княгиня велела тебе передать... – проговорила та, сделав упор на слове «передать». – ...Чтобы ты не сопротивлялся. Расскажи, где утопил громовые посохи, и ступай на все четыре стороны.

Глеб быстро сунул кольцо с ключами в карман охотничьей куртки. Старуха поднялась с лавки.

– Что княгине-то сказать? – спросила она. – Будешь говорить али нет?

– Скажи, что подумаю, – ответил Глеб. – А за отвар спасибо.

Старушка усмехнулась, снова – и на этот раз совершенно явно – подмигнула Глебу морщинистым веком, повернулась и засемила прочь. Дождавшись, пока за ней с лязгом захлопнулась тяжелая дверь, Глеб окликнул охоронца:

– Эй, халдей, крынку заberi!

Охоронец поднялся с лавки, подошел к клетке и молча забрал крынку. Потом вернулся на свою лавку, воткнул в землю бердыш и зевнул.

Дождавшись, пока охоронец снова задремлет, Глеб осторожно вынул ключи из кармана. Перво-наперво нужно было расстегнуть оковы. Тот ключик, что поменьше, должен подойти. Глеб извернулся, пытаясь дотянуться до замочной скважины на стыке железных оков... Вот так... Ещё чуть-чуть.

– Эй, Первоход! – окликнул его старик-богомолец.

Глеб вздрогнул и выронил ключи. Нагнулся, чтобы поднять, но ключей на полу не обнаружил. Зато обнаружил черную щель, из которой сквозило холодом. Вероятно, в ту щель ключи и улетели.

– Твою мать... – с досадой проронил Глеб.

Невидимая дверь снова скрипнула во мраке, и сиплый голос произнес:

– Хвач, тащи Первохода к дознавателю!

Дверь захлопнулась. Охоронец глянул на Глеба и ощерил зубы в усмешке.

– А вот и по твою душу пришли, Первоход. Ежели не расскажешь кату, где утопил огневые посохи, он тебе пятки на живом огне изжарит. То-то будет зрелище!

Поднявшись с лавки, охоронец направился к клетке. Сдвинул засов, откинул зарешеченное окошко и приказал:

– Просунь сюды руки.

Глеб просунул. Охоронец свинтил с оков гайку, вынул болт и сбросил цепочку на пол. В то же мгновение Глеб резко высунул руки вперед и схватил охоронца за мотню.

Охоронец вытянулся в струну. Глянув на Глеба налившимися кровью глазами, он сдавленно просипел:

– Ты чего... Чего делаешь-то?

– Одно резкое движение, и ты евнух, – сказал Глеб. – Знаешь, что такое евнух?

– Нет... – сипло выдохнул охоронец.

– Будешь дергаться – узнаешь. Сними с пояса ключи.

Охоронец, поскуливая от боли, подчинился.

– Вот так, – кивнул Глеб. – А теперь отопри клетку. И потише лязгай замком.

Охоронец сунул ключ в замочную скважину. Щелчок. Ещё один. Дверца приоткрылась.

Глеб выпустил охоронца и быстро выскользнул из клетки.

Взревев от ярости, охоронец выхватил из ножен меч, но воспользоваться им не успел –

Глеб резко ударил его кулаком в горло, и верзила рухнул на пол.

Глеб поднял с земли меч и зашагал к лестнице.

– Эй! – окликнул его из клетки хрипловатый голос.

Глеб обернулся. Чернобородый разбойник, обхватив ручищами железные прутья, приткнулся к решетке и смотрел на Глеба.

– Может, и нас с собой прихватишь?

Глеб остановился и замер в нерешительности.

– Ну же! – поторопил его чернобородый.

Глеб подошел к клетке, нашел нужный ключ, отпер замок и распахнул скрипучую дверь.

– Да возблагодарят тебя боги, парень! – довольным голосом выдохнул чернобородый и вышел из клетки.

За ним последовал старик. А за стариком – третий узник. При свете факела стало видно, что на вид ему лет двадцать пять. Смуглая кожа, тонкий нос. Волосы – черные, как смоль, и выющиеся, схваченные сзади лентой. Бородка и усы ухоженные. Одет парень в иноземный, сильно заношенный камзол. Поклонившись Глебу, он мягко проговорил:

– Благодарю вас, добрый сеньор.

– Сеньор? Ты иноземец?

– Да. Но живу в Хлынь-граде уже много лет.

Парень хотел еще что-то добавить, но Глеб перебил:

– Ладно, после поговорим.

Шагая к двери, Глеб заметил, что иноземец нагнулся и быстро вынул из-за пояса охоронца кинжал.

3

– Держитесь за мной, – обронил Глеб через плечо, крепко сжимая в руке меч. – Я выйду первым. Когда позову – выходите и вы.

Чернобородый разбойник, старик и иноземец кивнули.

Глеб резко распахнул дверь и вышел из подземелья. Ему хватило одного взгляда, чтобы оценить ситуацию. Большая полутемная комната. Справа – глубокая ниша в стене, отгороженная железной вертикальной решеткой, острые концы которой отстоят от потолка примерно на полтора локтя.

Слева – небольшое тусклое окно. Рядом с ним – дубовый столик-крепыш, а за столом – тоже крепыш, но уже человек, мордатый, с клочковатой русой бородой, в кольчуге и в шеломе.

Еще один охоронец стоял у дальней двери, до которой было сажени четыре. Между крепышом и вторым охоронцем сидели на полу два черных пса, похожие на немецких овчарок. Цепочки вели от ошейников к кольцам, вмурованным в стену.

Всё это Глеб заметил за секунду, а в следующую секунду он уже ринулся вперед, сжимая в руке меч.

– Беглецы! – крикнул крепыш, выхватывая из ножен меч. – Драг, бежи к начальнику, подымай тревогу!

Второй охоронец кивнул и взялся за дверную ручку. Однако распахнуть дверь он не успел – Глеб взмахнул рукой, и меч, просвистев в воздухе, вонзился охоронцу в плечо, пробив его насквозь и пригвоздив охоронца к толстой дубовой верее. Тот вскрикнул и обвис на мече, потеряв сознание от боли.

Крепыш вскочил с лавки, ощерил в ухмылке большие белые зубы и торжествующе изрек:

– Теперь ты без меча, паря!

Псы за спиной крепыша-охоронца вскочили на лапы и угрожающе зарычали. Охоронец сделал вид, что нападает на Глеба, но вдруг резко развернулся, шагнул к псам и одним мощным ударом меча перерубил цепи.

– Вовк, Чича, куси! – хрипло крикнул он и быстро отошел в сторону, освобождая расвирепевшим псам место для битвы.

Овчарки черными молниями ринулись на Первохода. Глеб шагнул навстречу первому псу и резко пнул его сапогом в грудь. В груди у пса что-то хрустнуло, и он, громко заскулив, грохнулся на пол.

Увернувшись от лязгнувших клыков второго пса, Глеб схватил его за шиворот, рывком поднял в воздух и, подцепив второй рукой за хвост, перебросил через острые железные прутья решетки. Пес брякнулся на пол ниши и с лаем бросился на решетку. Глеб повернулся к первому псу, который уже поднялся с пола, и ударом кулака отправил его в нокаут.

Крепыш-охоронец чуть повернул голову, оценивая расстояние до двери, затем снова взглянул на Глеба и с холодной усмешкой проронил:

– Ловко ты с ними.

Глеб, ни слова не говоря, ринулся на охоронца и поднырнул под клинок. Меч, тускло блеснув, со свистом рассек воздух у него над головой. Глеб схватил крепыша за ноги и резко дернул на себя. Охоронец с грохотом повалился на пол. Не позволяя охоронцу прийти в себя, Глеб прыгнул на него сверху, обхватил шею руками и сдавил сонную артерию, перекрывая доступ кислорода в мозг. Секунда-другая, и голова охоронца безжизненно свесилась набок.

Глеб поднялся на ноги и вытер рукою потный лоб.

Уцелевший пёс за решеткой надрывался от лая. Глеб погрозил ему кулаком, оборотился к приоткрытой двери и позвал:

– Выходите!

Богомолец, чернобородый разбойник и парень-иноземец вышли из подземелья. Чернобородый взглянул на поверженных охоронцев и изумленно спросил:

– Как это ты их?

– Молча, – ответил Глеб, поднимая с пола меч охоронца.

Острая боль пронзила поясницу Глеба, он выронил меч и уперся в пол руками.

– Ты чего, Первоход? – окликнул его чернобородый.

– Кажется... спину сорвал, – хрипло отозвался Глеб. – Когда швырял пса.

– Я подсоблю. – Чернобородый нагнулся, обхватил Глеба рукой за пояс и помог ему встать на ноги.

– Сможешь идти?

– Да... Наверное.

– Если что – держись за меня.

Пока чернобородый разбойник и парень-иноземец помогали Глебу подняться, старик стоял у двери с белым лицом и, крестясь на покойников, что-то тихо бормотал себе под нос.

Убедившись, что Глеб крепко стоит на ногах, чернобородый разбойник подошел ко второму охоронцу и вынул у него из ножен короткий меч отличной франкской работы. Парень-иноземец вооружился еще одним кинжалом.

«Коллекционирует он их, что ли?» – с хмурой усмешкой подумал Глеб. А вслух сказал:

– Меч был бы полезнее.

– Благодарю вас, но кинжалами я управляюсь лучше, – вежливо отозвался иноземец. – Из них легче составить животворящий крест.

– Крест? – насторожился старик.

– Да, крест. Символ страданий Спасителя нашего, Иисуса Христа, благодетеля и страстотерпца.

Парень перекрестился кинжалом, словно это было распятие.

«Везет мне на чудаков», – подумал Глеб. Сжимая меч в руке и поморщиваясь от боли, он двинулся вперед.

4

Не следовало этого делать. Конечно же, не следовало. Врываться в зал, полный охоронцев, было не просто глупо, но самоубийственно глупо. Но путь к свободе вёл через этот зал, и другого пути не было.

Глеб слегка приоткрыл дверь, глянул в зал и снова быстро прикрыл ее.

– Там полно охоронцев, – сказал он своим спутникам. – Если мы пойдем туда, то, скорее всего, погибнем.

– Если мы вернемся, мы тоже погибнем, – тихо возразил ему парень-иноземец.

– Ну, значит, и думать не о чем.

Глеб вновь взялся за железное кольцо и резко потянул его на себя.

Этот зал был больше первого раза в два. Никаких собак, никаких клеток. Только охоронцы. Много охоронцев. Здесь было что-то вроде «комнаты отдыха». Одни охоронцы играли в кости, другие дремали на лавках, третьи пили сбитень из толстых деревянных кружек и о чем-то жаростно спорили. На одной из стен Глеб увидел свою кобуру с торчащим из нее деревянным прикладом.

Заслышав скрип двери, все обернулись и уставились на беглецов. Затем быстро вскочили на ноги и выхватили из ножен мечи.

Самый мощный и пожилой из охоронцев шагнул вперед и, свирепо усмехнувшись, осведомился:

– Далеко собрались, голубчики?

– Да вот, решили прогуляться, – ответил ему Глеб.

– Прогуляться? А чего ж нас не позвали? Мы бы тоже с вами прогулялись.

– Не хотели вас беспокоить.

Глеб окинул ратников цепким, оценивающим взглядом. Их было девятеро. Все в кольчугах и шеломах. В руках – мечи, у стены – двуострые бердыши. Бежать или звать на помощь они не собирались. Наоборот – стояли и ухмылялись. Должно быть, были рады представившейся возможности пустить узникам кровь.

– Уйдите с дороги, охоронцы, – сказал им Глеб. – Я не хочу вас убивать, но если вы не оставите мне выбора, я это сделаю.

Ратники заушмылялись ещё шире.

– Ты не в Гиблом месте, ходок, – с ледяной усмешкой возразил пожилой охоронец. – Здесь – наша вотчина. Если не хотите, чтоб мы выпустили вам кишки, бросайте мечи и топайте обратно в клетки.

– Простите, сеньор, но мы туда не вернемся, – сказал парень-иноземец, становясь рядом с Глебом и сжимая в руках кинжалы. – Холодные полы губительны для мужского здоровья, сударь. А я еще надеюсь когда-нибудь обзавестись семьей и детьми.

Пожилой ратник сделал знак другим охоронцам, и они быстро растянулись в каре, перекрывая беглецам дорогу к выходу.

Больше Глеб не медлил. Молниеносно бросившись вперед, он взмахнул мечом. Узкий клинок, полыхнув в свете смоляного факела, обрушился на голову ближайшему охоронцу. Тот успел лишь слегка приподнять свой меч и тут же рухнул на пол с разбитой головой. Глеб быстро повернулся к другому и скрестил с ним мечи.

Чернобородый разбойник и парень-иноземец бросились на подмогу Глебу.

Выбив из руки противника меч, Глеб врезал ему сапогом в пах. Второму точным, быстрым ударом клинка он перебил руку чуть выше локтя и довершил дело, ударив охоронца гардой меча в лицо. Третьему разбил голоменью голову. Четвертому перебил ноги, а пятого сшиб с ног, ударив его мечом в грудь.

Глеб остановился и перевел дух. Битва была выиграна. Двоих охоронцев исполосовал своими кинжалами парень-иноземец. Еще одного зарубил мечом чернобородый разбойник.

Глеб вытер рукавом потный лоб, взглянул на иноземца и сухо осведомился:

– Где ты научился махать кинжалами?

Тот едва заметно усмехнулся и ответил:

– Нашлись учителя. Как ваша спина, сударь?

– Жить буду. – Глеб шагнул к стене, снял с гвоздя кобуру с ольстрой и закинул ее на плечо. Затем подхватил со стола свою бензиновую зажигалку, которую кто-то из охоронцев поставил на кон.

– Пора двигаться дальше, – сказал он и зашагал к выходу.

5

Когда четверо беглецов остановились в лесу, в пяти верстах от городской стены и в трех верстах от большака, небо уже выцвело и потемнело.

Укрывшись за деревьями, беглецы расположились на поваленных бревнах. Глеб сгреб сапогом в кучу хворост и сухие листья и разжег костерок. Затем откинулся спиной на ствол дерева и блаженно вытянул усталые ноги.

Смуглокожий парень-иноземец сидел чуть в стороне от всех, тихонько что-то насвистывая и тщательно протирая травой трофейные кинжалы.

Богомолец дышал часто и хрипло. Побег дался ему нелегко. Он то и дело начинал кашлять, и Глебу показалось, что с мокротой изо рта у него вылетают капельки крови.

– Старик, ты как? – тихо спросил он.

Богомолец немного помолчал, затем ответил – хрипло, сдавленно:

– Ты оставил за спиной много убитых, Первоход.

– Гораздо меньше, чем кажется, – сказал на это Глеб. – И гораздо меньше, чем мог бы.

Старик хрипло вздохнул:

– Много в тебе злобы, Первоход. Это потому что без Христа в душе живешь. Не веришь ни в богов, ни в людей. Только в свои силы веришь.

– И что же тут плохого?

– Не выдержишь, сломаешься. Не сейчас, так завтра, не завтра, так послезавтра. Нельзя человеку одному. Никак нельзя.

Старик снова закашлялся. Глеб перевел взгляд на смазливового чужестранца.

– Кто ты, откуда приехал и что делаешь в Хлын-граде? – спросил он.

Иноземец аккуратно вложил очищенные кинжалы в ножны, поднял взгляд на Глеба и ответил мягким, будто воркующим, голосом:

– Я толмач. Зовут меня Раймондо, но можно просто Рамон или Мондо. А приехал я из Королевства Италия. Один богатый купец позвал меня в учителя.

Глеб удивленно приподнял бровь.

– Купец пожелал обучиться языкам?

– Не он. Его дочь.

– Вот оно что. И как же ты оказался в темнице?

– Я прожил в семье купца полгода. А потом его дочь неожиданно забеременела. Купец почему-то подумал, что во всем виноват я. – Парень вздохнул и горестно добавил: – Воистину, люди так часто несправедливы в суждениях своих.

Глеб усмехнулся:

– Так ты не виноват?

– Я бы никогда не посмел. Прелюбодеяние – страшный грех. А я – богобоязненный католик.

– Будь я отцом той девицы, я бы связал тебя по рукам и ногам и бросил в гиблую чашобу, – сказал Глеб.

– И были бы правы, – неожиданно признал Рамон. – Каждый из нас хоть в чём-нибудь да виноват, и все мы – глубокие грешники. Пусть Господь пошлет нам раскаяние. – Парень поднял глаза к небу и перекрестился на католический манер. Затем, давая понять, что тема исчерпана, достал из тайного кармашка маленький серебряный гребешок и принялся тщательно расчесывать свои ухоженные черные усы.

Глеб перевел взгляд на чернобородого.

– Ну а ты, борода? Ты правда разбойник?

– Я-то? – Чернобородый беглец поворошил костерок сучковатой палкой, усмехнулся и сказал: – Для кого как.

– Значит, я помог сбежать из темницы разбойнику, – констатировал Глеб. – Отлично, ничего не скажешь.

Чернобородый глянул на Глеба черными, блестящими глазами и осведомился:

– Тебя это тревожит?

– Не особо, – ответил Глеб. – Головорезом меньше, головорезом больше. Прибьешь одного разбойника, на смену ему тут же приходят трое. И с этим, похоже, ничего не поделать.

– Я не нравлюсь тебе и понимаю, за что, – сказал чернобородый. – Ты мне тоже не нравишься. Но ты помог мне выбраться из подземелья. Поэтому знай: ежели тебе когда-нибудь понадобится моя помощь, я...

– Прямо как в романах, – усмехнулся Глеб. – Может, ты еще исповедаешься богомольцу? Это было бы забавно.

– Позвольте и мне поблагодарить вас, – сказал иноземец Рамон, глядя на Глеба черными, туманными глазами. – Если когда-нибудь вам понадобится человек, отлично владеющий ножами, я, Рамон Гандольфини, сын Гандольфини-красивого, всегда к вашим услугам.

– Ты слишком изысканно выражаешься, – ответил ему Глеб. – На нашем языке так не принято. Но за предложение спасибо. Если я захочу почистить рыбу или разделать курицу, я обязательно позову тебя.

Толмач улыбнулся и протянул Глебу серебряный гребешок.

– Сударь, у меня нет ничего, чем я мог бы отблагодарить вас, но сделайте милость – примите от меня в дар эту безделицу.

Глеб, по собственному опыту зная, что иногда легче принять бесполезный дар, чем объяснить, почему он тебе не нужен, молча взял гребешок и сунул его в карман. Затем поднялся с бревна, поправил на поясе ножны с мечом, сдвинул за спину кобуру и одернул плащ.

– Мне пора, – сказал он. – Тебе, толмач, лучше убраться из города подальше. А ты, разбойник, лучше не попадайся больше у меня на пути. Прощайте.

Он повернулся и зашагал к большаку.

Чернобородый и толмач смотрели Первоходу вслед, пока тот не скрылся за деревьями.

– Этот парень ходил в Гиблое место чаще любого другого ходока, – задумчиво произнес толмач. – Говорят, он в одиночку истребил всех нелюдей.

– Говорят, в Топлеве кур доят, – съязвил чернобородый. – Люди много чего врут.

– Это правда, – согласился Рамон. – Что ж, пожалуй, мне тоже пора откланяться. Рад был с вами познакомиться, сеньоры. И благодарю вас за помощь.

Он встал с бревна, поклонился, сделав замысловатый реверанс, а затем повернулся, чтобы идти.

– Эй, парень, – окликнул его чернобородый. – Может, поделишься кинжалом? Зачем тебе два?

Рамон взглянул на него, мягко улыбнулся и проговорил смиренным голосом:

– Я христианин. Мои два кинжала – это две перекладины на кресте Господнем. Сам видишь, что я не могу отдать их тебе. Разве что ты попытаешься забрать их у меня силой?

Несколько мгновений разбойник и толмач смотрели друг другу в глаза. Первым отвел взгляд разбойник.

– Я так и думал, – кивнул Рамон. – Ты добрый человек и не станешь обижать беспомощного иноземца. Прощайте, друзья. Пусть Господь поможет вам.

Через несколько секунд толмач скрылся за деревьями.

– Темный он какой-то, этот толмач, – недовольно заметил разбойник, обращаясь к старику. – Видал, как он расчесывался? Прямо, как девка перед свиданием. Вот леший, а костерок-то наш совсем погас!

Разбойник встал с бревна, подобрал несколько сухих валежин и швырнул в костер. Выждал, пока пламя разгорится ярче, покосился на богомольца и спросил:

– Куда ты теперь пойдешь, старик?

– Еще не знаю, – тихо ответил тот. – Меня Господь направляет. Вот ты только что говорил о Топлеве. Это знамение. Стало быть, туда и пойду. – Старик хотел улыбнуться, но закашлялся. Потом вытер рот рукавом рубахи и снова посмотрел на разбойника. – А то пошел бы со мной, а? Вдвоем веселее.

– Куда это? – прищурился чернобородый.

Богомolec улынулся бледными, морщинистыми губами.

– А куда глаза глядят. Ты, я вижу, парень неплохой.

– Вот как? – Чернобородый ухмыльнулся. – Где это ты разглядел?

– А я многое вижу, – мягко пояснил старик. – С тех самых пор, как Господь открыл мне глаза. Ты ведь теперь тоже крещеный, али забыл?

– Как это? – удивился разбойник.

– А вот так. У тебя на груди крест. И крестили тебя не водой, а огнем и железом. Ты таперича, как тайный апостол. Можешь людей в веру обращать, но не словом и убеждением, а мечом и кнутом. И проповедь твоя может быть горяча, как будто огонь.

Несколько секунд разбойник молчал, обдумывая слова старика, затем угрюмо спросил:

– Нешто так можно – живых человекoв в веру пинками загонять?

– Можно, – кивнул богомolec. – Рассуди сам. Вот видишь ты, к примеру, перед собой куст. А на том кусте ягоды. И ягоды те – ядовиты. Ты бы стал их есть?

Разбойник усмехнулся и качнул головой:

– Нет.

– А ежели бы товарищ твой любимый подошел к тому кусту и захотел ягоду сорвать? Остановил бы его?

– А то!

– А ежели бы он стал от тебя отмахиваться да отбиваться – что бы ты сделал?

– Двинул бы ему в рыло и оттащил от куста.

– Верно. А ежели бы ты ему при этом выбил зуб?

– Лучше потерять зуб, чем жизнь, – сказал на это разбойник.

Старик улыбнулся.

– Вот о том я и толкую. Лучше потерять зуб, чем лишиться живота.

Разбойник задумчиво прищурился.

– Выходит, ежели кто-то не хочет верою твоею спастись, то ему не грех и зуб выбить?

– Выбьешь зуб – спасешь живот, – повторил богомolec. – Ты вот разбойник, а стало быть – душегуб. И крови, небось, пролил поболее, чем Первоход. И за то тебе вечно гореть в адском пекле.

Чернобородый грозно сдвинул брови.

– Так ты напугать меня, что ли, хочешь?

Старик качнул головой:

– Нет. Ты любишь лить человечесью кровь, это я по тебе вижу. Но ты проливаешь ее за просто так, за ломаную медяшку или полмешка муки. За это тебя сожрут черти. Но ты мог бы проливать человечесью кровь не за медяшку и муку, а за веру. И тогда бы ты уже был не разбойником, а Божиим воином.

Чернобородый усмехнулся:

– Звучит неплохо.

– И я тебе об том же говорю. Добро должно быть с кулаками. И ты можешь стать этими кулаками.

Чернобородый долго размышлял, хмурая брови. Затем спросил:

– Ты ведь веришь в знамения, старик?

– Верю, – кивнул богомолец.

– Я не прочь стать Божьим воином. Но пусть твой бог пошлет мне знамение. Коли пошлет – перестану разбойничать и стану служить твоему богу верой и правдой. Стану его кулаками и острыми зубами.

– Знамение... – Старик сдвинул брови. – Может, оно уже и было, только мы его не заметили. Человек слеп в гордыне своей. К тому же...

– Что это там? – спросил вдруг разбойник и чуть привстал на бревне. – Ты видел это, старик?

– Чего? Где?

– Там... в лесу... Гляди-ка! Зарево, что ли?

Старик прищурил подслеповатые глаза. Он тоже увидел легкое золотистое зарево.

– Точно – зарево, – проговорил старик. – Не пожар ли?

– Да вроде не похоже.

– А что ж тогда?

Разбойник поднялся с бревна.

– Пойду погляжу, – сказал он. – Ты со мной или как?

Старик, морщась от боли в груди, тяжело поднялся на ноги.

– Идем! – сказал разбойник и первым зашагал к зареву. Старик медленно двинулся за ним.

– Не так быстро, – хрипло проговорил он.

– Давай-давай, пошевеливайся! – не оглядываясь, поторопил разбойник.

Взгляд его был прикован к золотисто-розоватым всполохам, которые делались тем ярче, чем гуще становились сумерки.

– Я знаю, где это, – сказал разбойник.

– И где же? – хрипло дыша, спросил старик.

– У реки. До нее версты две, не больше.

Они упорно продвигались вперед, хрустя валежником и продираясь сквозь кустарники вереса. Богомолец вдруг закашлялся и упал. Разбойник остановился.

– Ты чего, старик?

– Кончаюсь я, брате, – прохрипел богомолец. – Наклонись... Хочу сказать...

Разбойник подошел к старику и опустился рядом с ним на корточки:

– Ну?

– Ты спрашивал про знамение... – Старик приподнял руку и показал морщинистым пальцем на зарево. – Это и есть твое знамение, брате... Там, у реки... Ступай туда.

Голова старика свесилась набок – он умер. Разбойник выпрямился и взглянул на золотистые всполохи. Сердце его вдруг наполнилось восторгом. Сомнений нет – там, у реки, его ждет нечто прекрасное. Что-то такое, чего никогда не было в его унылой, никчемной, беспросветной жизни.

Разбойник улыбнулся и зашагал вперед. И чем ближе он подходил к реке, тем радостнее становилось у него на душе.

6

– Ярило, Ярило, обопрись на корыло, обереги от нежити и черной твари.

Молодой добытчик Хлопуша – огромный, как медведь, – обмахнул своё упитанное лицо охоронным знаком и двинулся дальше, искоса поглядывая на своего спутника Оскола, добытчика опытного и сурового.

Уже час они шли по Гиблому месту, то и дело бросая хмурые, тревожные взгляды на катящееся к кронам деревьев солнце.

В Гиблое место они пришли на рассвете. Добрались до залежи бурой пыли, наковыряли за день по мешочку и теперь возвращались обратно. Залежь была богатая, да и от межи недалеко. Просто чудо, а не залежь. Однако, стремясь набить мешочки поплотнее, добытчики увлеклись и слегка припозднились. Времени на то, чтобы перекусить, не было, и сейчас, шагая по чащобе, Хлопуша не знал, что его больше гложет – страх или голод.

«Продам пыль Крысуну Скоробогату и закачу в кружало, – думал он, прислушиваясь к урчанию в пустом животе. – Закажу себе жареную баранью ногу и кувшин самого лучшего таврийского вина».

В объемистом животе у Хлопуши заурчало еще громче. Чтобы отвлечься, Хлопуша снова заговорил.

– Слышь, Оскол? – окликнул он своего спутника.

– Чего тебе? – хмуро отозвался тот.

– Той бурой пыли, что мы с тобой набрали, надолго ли нам хватит?

– Коли умело сторгуешься, то выручишь за нее десяток золотых солидов. Вот и думай: надолго ли тебе того хватит.

– Мне надолго, – убежденно заявил Хлопуша. – Мне много-то не надо. Избу крепкую построить да девку хорошую замуж взять. Ну, и чтоб амбары да сусеки были забиты под завязку.

Несколько шагов они прошли молча.

– Ну, а ты? – спросил Хлопуша.

– Чего я?

– На что ты потратишь своё золото?

Оскол ухмыльнулся:

– Заплачу Истру-Коновалу, чтобы сделал мне новые зубы. Сказывают, он такие зубы из медвежьей кости точит, что от настоящих не отличишь.

– Зубы – это хорошо, – согласился Хлопуша.

С минуту они шли молча, потом Хлопуша снова заговорил:

– Вот вернусь в Хлынь, продам пыль и заживу по-человечески. Главное, чтобы в доме закрома были полны. И чтобы брюхо с голоду не опало. Я, Оскол, счастливого человека изда-лека вижу. Счастливый человек подпоясывается не лыком под грудь, а тканым поясом под живот – чтобы пузо виднее было.

– Ты можешь думать об чем-нибудь еще, кроме жратвы, избы да бабы?

Хлопуша качнул большой головой.

– Нет.

Оскол вздохнул:

– До межи недалеко, но место тут опасное. Я двину чуток вперед, а ты гляди – не отставай и не теряйся.

Оскол пошел впереди. Где-то далеко зарычал зверь. Хлопуша испуганно остановился, но, увидев, что Оскол продолжает идти, пошел снова и быстро нагнал его.

– Оскол, ты это слышал?

– Да, – не оборачиваясь, ответил добытчик.

– Кто это рычал?

– Медведь.

– Медведь? А я думал, тут всех зверей волколаки и упыри поели.

– Не поели. Медведь сам кого хошь слопает. А лиса хитра, нос по ветру держит, тёмных злыдней по широкой дуге обходит.

– А если ядозубый оборотень медведя укусит, чего с медведем будет?

– Сдохнет, чего ж еще.

– А сам оборотнем не станет?

Оскол ухмыльнулся.

– Ты видал медведя-оборотня?

Хлопуша покачал кудлатой головой:

– Не.

– Тогда чего спрашиваешь.

Оскол отвернулся и зашагал дальше. Глядя на его широкую спину, Хлопуша немного расслабился. С Осколом не пропадешь, он добытчик бывалый.

Медведь выскочил на прогалину неожиданно. Он был рослый, но худой и явно голодный. Не то что Хлопуша, но даже бывалый Оскол не сумел ничего понять. А когда понял, было уже поздно – огромная медвежья лапа обрушилась ему на голову, разворотила всё лицо и свернула шею.

Вся жизнь промелькнула в этот миг у Хлопуши перед глазами. Как брат – опытный ходок Молчун – взял его впервые в Гиблое место и как сказал потом: «Никогда тебе не быть ходоком, Хлопуша. Даже не пробуй». «Отчего же не быть?» – спросил тогда Хлопуша. «Оттого, что живот растрясется. Вон он у тебя какой».

Вспомнил Хлопуша, как в детстве соседские мальчишки дразнили его «увальнем» и «тестом» и швыряли в него камнями. Он мог намять бока любому из них, но никогда не мог их догнать. Вспомнил, как стащил из лавки Гудоя-каравайщика булку с изюмом, и как Гудой и его сын гоняли его по лавке батогами, а он думал только об одном – успеть бы съесть вкусный рогалик, пока не отобрали.

Вспомнил, как девка Млава, которая дала ему пощупать в амбаре свою мягкую грудь, сказала ему: «Весело мне с тобой, Хлопуша. Но уж больно ты толстый да губастый. Мне брат твой старший люб. Сведёшь меня с ним, дам залезть себе под юбку».

Толстые щеки Хлопуши затряслись, его вдруг обуяла ярость. Почти не соображая, что делает, он выхватил из ножен меч, ринулся на медведя и с размаху всадил клинок зверюге в бок. Потом быстро вынул и ударил еще раз.

Кровь заструилась по мохнатому звериному боку. Медведь взревел, обернулся к Хлопуше и встал на дыбы. На мгновение у Хлопуши захватило дух – ростом медведь был в полторы сажени. В другой раз Хлопуша просто бросил бы меч и кинулся бежать, но сейчас что-то переклинило у него в голове, и вместо того, чтобы дать деру, он издал громкий, гортанный крик и снова ринулся на медведя.

Сверкающий клинок вонзился зверю под сердце. Медведь отшатнулся, заревел от боли и повалился набок. Дернувшись несколько раз, он затих. Хлопуша вынул из медвежьей туши свой меч и изумленно произнес:

– Надо же. Экую зверюгу я с перепугу сгубил. Скажи кому – не поверят.

На мгновение Хлопуша подумал – не отрезать ли ему от медведя лапу, не освежевать ли и не изжарить ли на костре? В пузе заурчало, но Хлопуша сглотнул слюну, мотнул кудлатой головой – нет. После будем пировать. А пока...

Он подошел к распростертому на земле добытчику Осколу.

– Оскол! – позвал Хлопуша. – Осколушка, друг!

Добытчик молчал. Тогда Хлопуша осторожно присел рядом с окровавленным телом и хотел перевернуть его, но вдруг отдернул руку – у Оскола не было половины головы, а та, что была, свесилась набок, как сломленное соцветье подсолнуха.

– О, боги! – выдохнул Хлопуша, выпрямился и, с ужасом глядя на страшную, изуродованную голову товарища, стал пятиться к деревьям.

Где-то в лесу завыл волк. Или оборотень. Хлопуша еще плохо различал их на слух. Он поежился, шмыгнул носом и смахнул с ресниц слезы. Жалко было Оскола, сильно жалко. И погиб как глупо – не от упырьих или волколачьих зубов, а от простого медведя-кодыака. И кодыак-то не самый матерый. Отцу Хлопуши случалось встречать в местных лесах кодыаков по две, а то и по три сажени ростом.

Эх, Оскол, Оскол...

Хлопуша снова шмыгнул и вытер глаза основанием ладони. Ладно, чего уж теперь убиваться, дело сделано. Надо идти.

Хлопуша глянул на солнце. До заката еще далеко. К тому моменту, когда упыри и волколаки закружат перед буреломом, огораживающим Гиблое место, Хлопуша будет уже далеко. И то ладно.

Перед тем как снова отправиться в путь, Хлопуша осторожно приблизился к мертвому Осколу, размахнулся мечом и, зажмурившись от страха, отрубил товарищу голову. Сделано! Теперь Оскол не встанет с земли упырем.

* * *

Хлопуша прошел еще пару верст, когда ему послышалось отдаленное ржание коней. Он остановился и наморщил лоб. На просеках – охоронцы, в чащобе – волколаки и упыри... Куда ж идти? Хлопуша постоял, подумал, поскреб в затылке. Интересно, как бы на его месте поступил Оскол?

Едва Хлопуша подумал об этом, как в голове у него прозвучал угрюмый голос Оскола: «Если справа – лихо, да слева – лихо, держись серёдки и шагай себе тихо».

И Хлопуша решил идти по самой кромке чащобы. Так было дольше, но безопаснее. Где-то недалеко снова завыл волколак. Хлопуша не остановился и не ускорил шаг, лишь положил мозолистые пальцы на рукоять меча и, угрюмо насупившись, продолжил путь.

Эх... Обернуться бы вороном, полететь в Хлынь-град, удариться оземь перед матушкой и обернуться опять отроком: здравствуй, родная матушка, вот он я!

Да только нету у Хлопуши ни матушки, ни батюшки. А до Хлынь-града еще добираться и добираться.

Хлопуша вздохнул.

До межи оставалось не больше версты. И тут Хлопуша вдруг увидел нечто такое, отчего у него захватило дух. Прямо из чащобы навстречу ему вышел человек в сияющем облаке. Над головой у него сверкало маленькое солнце, а его белые одежды развевались на ветру, как бело-снежные крылья.

Хлопуша остановился и, раскрыв от изумления рот, уставился на странного человека в белых одеждах широко раскрытыми глазами.

Сияющий незнакомец медленно приближался к Хлопуше. Не дойдя нескольких шагов, остановился и улыбнулся. Лицо у него было светлое, а длинные волосы и борода – почти белые.

– Кто ты, парень? – спросил сияющий незнакомец голосом громким, мягким и спокойным.

– Я?... – Хлопуша сглотнул слюну. – Я Хлопуша, сын Быкодёра-мясника и брат Молчуна-ходока. А кто ты?

Незнакомец прищурил светлые глаза.

– А я Пастырь, – просто ответил он.

От голоса сияющего незнакомца Хлопуше сделалось тепло и приятно, будто вокруг было вовсе не Гиблое место, а деревня Повалиха, где он провел с бабушкой Проной всё детство.

– Пастырь? – переспросил Хлопуша, глупо улыбаясь. – Но я не видел здесь ни овец, ни коз, ни коней. Кого же ты пасешь, Пастырь?

Сияющий незнакомец улыбнулся и ответил:

– Не овец и не коз пасу я, Хлопуша. Я пасу людей.

Что-то запрядало в воздухе, и вдруг Хлопуша увидел, что за спиной у незнакомца раскрылись огромные белоснежные крылья.

– Оставь всё, что у тебя есть, Хлопуша! – громко сказал Пастырь. – Оставь и иди за мной. Истинно говорю тебе: лишь тот ступит в куши светлого утра, кто оставит всё и пойдет за мной!

Хлопуша захлопал глазами и растерянно проговорил:

– У меня только и есть, что бурая пыль.

– Пыль? Так брось её!

Хлопуша достал из-за пазухи мешочек с бурой пылью и без жалости бросил его в траву.

– Вот так, – кивнул Пастырь. – А тебе ступай за мной, и да будет светлым твой путь!

Он повернулся и поплыл по тропке, едва касаясь ногами земли, в своем сияющем облаке, с распростертыми белоснежными крыльями. И Хлопуша, позабыв обо всем на свете, двинулся за ним, как слепец за добрым, зрячим проводником.

Глава вторая

Должок

1

Полгода спустя. Берег Эльсинского озера

Человек, подошедший к Глебу Орлову, был высок и статен, а одет был дорого и, как скажут тысячу лет спустя, «со вкусом». По виду – купец.

Усевшись на лавку рядом с дубовой стойкой, молодой купец окликнул целовальника и попросил для себя кружку хмельного сбитня. Когда сбитень был подан, купец взял кружку, отхлебнул, почмокал губами и сказал:

– Хороший сбитень. Прямо как в Хлынь-граде, у нас.

Сказав это, купец быстро покосился на Глеба. Тот сидел за стойкой с бесстрастным лицом и никак не отреагировал на слова купца.

Тогда купец снова отхлебнул сбитня, облизнул губы и спросил:

– Тебя зовут Первоход, верно? Ты ходок в места погиблые.

Глеб отхлебнул своего олуса и глухо ответил:

– Ты ошибся, купец. Я простой огородник.

Тот улыбнулся:

– Что ж, пусть будет так. Но что-то подсказывает мне, что ты знаешь Первохода. Ежели так, то не мог бы ты кое-что для него передать?

– Повторяю тебе: я не знаю никакого Первохода, – заявил Глеб. – Но если кто-нибудь познакомит меня с ним, я передам ему все, что ты мне скажешь.

Купец сунул руку в карман. Пальцы Глеба скользнули к рукояти меча. Заметив его движение, купец улыбнулся и сказал:

– Это не то, о чем ты подумал. У меня в кармане – послание. И я собираюсь передать его те...

Договорить он не успел. Из-за широкого дубового стола, стоявшего у Глеба за спиной, выскочил парень, одетый охотником, и молниеносно выхватив из-за пояса метательный нож, швырнул его в Глеба.

Однако за мгновение до того, как нож оказался в руке охотника, Глеб увидел отражение противника в оловянном стаканчике. Мгновенный уклон вправо, и нож, просвистев возле уха Глеба, вонзился в бочонок с олусом.

Глеб прыгнул к охотнику, схватил его за ворот куртки, рывком стащил на пол и стукнул головой об лавку. Затем швырнул парня к двери, шагнул к нему и наступил сапогом бедолаге на руку.

– А-а! – заорал парень, силясь выдернуть пальцы. – Пусти! Пусти, изверг!

– Кто тебя послал? – хрипло спросил Глеб.

– Никто... Я сам...

– За что ты хотел меня убить?

Глеб перенес вес тела на ногу, прижавшую пальцы парня к полу.

– Награда!.. – хрипло выкрикнул молодой охотник и облизнул побледневшие губы. – Награда... Двадцать серебряных дирхемов.

Глеб убрал ногу с руки парня.

– Убирайся вон, – сухо проронил Глеб. – Еще раз увижу тебя здесь – оторву пальцы вместе с рукой.

Парень, сморщив лицо от боли, неуклюже поднялся на ноги и шагнул к выходу. У самого порога он остановился и хотел что-то сказать, но Глеб дал ему пинка, и парень вылетел на улицу, как пробка из бутылки.

Вернувшись к стойке, Глеб посмотрел на купца прямым, холодным и острым, как замороженный осколок стекла, взглядом.

– Это и было твое послание? – спросил он.

Купец испуганно качнул головой.

– Нет. Я не с ним. Клянусь Сварогом, я понятия не имел, что здесь будет ловчий!

Глеб недобро прищурился:

– Достань из кармана то, что хотел достать. Только делай это медленно.

Купец снова сунул руку в карман и медленно извлек из него кусок бересты.

– Вот, – сказал он, протягивая Глебу берестинку. – Один человек просил передать тебе это. Он сказал, что ты сразу все поймешь.

Глеб взял берестинку, скользнул глазами по белой коре.

Посреди берестяного клочка было нацарапано славянскими рунами одно слово:

Должок

Глеб опустил бересту. Посмотрел мрачно на купца.

– Это все, что ты хотел мне передать?

– Да, – ответил тот. И робко спросил: – Могу я теперь уйти?

– Можешь, – ответил Глеб. – Только не забудь расплатиться.

Купец положил на стойку несколько медяков, сполз с лавки и, поклонившись Глебу и целовальнику Назарию, робко засеменил к выходу.

Минуту спустя Назарий убрал в чулан разбитую лавку и вернулся к стойке.

– Твое соседство становится все более хлопотным, – заметил он Глебу, беря в руки рушник.

– Да, Назарий. Прости.

Несколько секунд оба молчали. Глеб пил свой олус, а целовальник усердно натирал рушником очередной стаканчик. Затем он сказал:

– Они не оставят тебя в покое, Глеб. Пока за твою голову назначена награда, всегда найдутся желающие добыть ее и отнести князю.

– Я решу эту проблему, Назарий.

Глеб снова посмотрел на кусок бересты, затем смял его в кулаке и швырнул в бочонок для мусора.

– Дурные вести? – поинтересовался целовальник.

– Нет. Все в порядке.

– По твоему лицу этого не скажешь.

Глеб отхлебнул олуса и вытер рот рукавом.

– Присмотришь за моим домом и огородом? – спросил он у Назария.

– Конечно, – ответил тот.

– Если через месяц не вернусь, продай мой дом и мой огород и заberi все деньги себе.

– Хорошо.

Глеб залпом допил олус и поставил кружку на стойку. Затем расплатился, достал из притороченной к поясу сумки связку ключей и швырнул ее целовальнику.

Когда Глеб вышел из кружала, Назарий прошел к бочонку для мусора, достал смятый кусок бересты и, близоруко прищурившись, поднес его к глазам. На берестинке славянскими рунами было выведено всего одно слово: «Должок».

2

Весна пришла в Хлынь ранняя. На улице было пасмурно, но тепло. Крепкая телега-общанка въехала, громокая, в город и резво покатила по лужам.

Не доезжая до торжка версты, Глеб спрыгнул с телеги, поправил сумку и наголовник и зашагал по мокрой улице, обходя лужи и спящих на сухих местах нищих и собак. Лицо Первохода были скрыто под наголовником. Широкий суконный плащ скрывал ножны с заговоренным мечом и заплечную кожаную кобуру с огнестрельной ольстрой.

Возле кружала «Три бурундука» Глеб остановился и задумчиво посмотрел на вывеску, приглашающую войти в кружало и отведать «особенного бодрящего сбитня, приготовленного по писанке тетки Ярнеги».

Чуть в стороне от кружала, на сухой, вытоптанной площадке, за невысоким частоколом, толпа мужиков натравливала трех бойцовских петушков на бродягу, одетого в засаленные лохмотья. Мужиков было десятка полтора. Бродяга, испуганно сжавшись в комок, отбивался от разъяренных птиц ногой, обутой в драный лапоть.

Мужики хохотали. Они вошли в раж и уже не могли остановиться.

– Чего ему петухи! – смешливо заорал один. – Надо притащить пса – да покрупнее!

– Верно! – крикнул другой. – Только где ж его взять?

– Да вон Афанас идет со своим Борзякой! Эй, Афанас!

– Афанас! – закричала толпа. – Афанас, тащи сюда своего пса!

Толстый, угрюмый мужик в коричневом полукафтани, ведущий на веревке такого же толстого и угрюмого пса, остановился и оглянулся.

– Чего разорались-то? – хмуро отозвался он.

– Дай нам своего пса! – крикнул кто-то. – Хотим бродягу потравить!

– Щас, – злобно проворчал угрюмый толстяк. – Буду я калечить пса за-ради вшивого бродяги!

– Мы тебе отстегнем, сколько скажешь! – крикнул кто-то.

– Верно! – подтвердил другой. – Сбросимся и отстегнем!

Маленькие, заплывшие жиром, глаза Афанаса алчно заблестели.

– Хорошо! – сказал он. – Соберете жменюх меди, и я натравлю Борзяку на этого вшивого козла!

– Давай, братва, скидывайся, у кого сколько есть!

Зазвенела медь, и вскоре один из мужиков вывалил в толстую, мягкую ладонь Афанаса горсть темных медных монеток.

– Вот это дело, – усмехнулся тот. – А ну, босяки, расступись!

Мужики расступились, и Афанас потащил толстого, угрюмого пса на огороженную площадку, туда, где в углу, все так же сжавшись в комок и испуганно поглядывая на хохочущие рожи, лежал бледный и потный от страха бродяга.

– Давай! – ревела и ликовала толпа. – Куси его!

– Порви гада, Борзяка!

– Сожри вонючку!

Афанас выволок пса на площадку и стал натравливать пса на бродягу. Вскоре пес уже заливался яростным лаем и рвался с поводка, пытаясь ухватить несчастного зубами за ногу.

– Давай! – неистовствовала толпа.

– Спускай Борзяку!

– Рви!

– Куси!

– Сожри!

Когда Афанас уже готов был спустить своего толстого пса с поводка, кто-то крикнул высоким, звонким голосом:

– Эй, бездельники! Я к вам обращаюсь!

Мужики притихли и оглянулись. Возле кружала остановился всадник в длинном, заношенном до дыр плаще.

Осанка у всадника была гордая, но одет он был бедно и довольно неряшливо. Плащ, как было замечено выше, дырявый, полукафтан изношен так, что кое-где из него торчала изнанка, сапоги латанные, а на голове красовалась старенькая суконная шапка.

Сам всадник был худ и невысок, остронос и конопат. А лицо у него было столь молодое, что на нем даже усы с бородой еще не росли.

Большие серые глаза всадника блестели нервным, отчаянным блеском, будто он взял себе за правило побеждать безоглядной храбростью врожденную трусость. Однако на боку у всадника висел меч, и выглядел этот меч весьма внушительно.

– Оставьте человека в покое, мерзавцы! – крикнул всадник, сверкая своими серыми глазами. – Ну!

– Ступай своей дорогой, странник, – грубо проговорил кто-то из мужиков. – Не вмешивайся в наши дела.

– Топай, сударь, топай, – поддержал его другой. – Это наши мужицкие игры.

– Вот как? Мужицкие? – Юноша прищурил глаза и взялся за рукоять меча. – Ну, тогда я приказываю вам его отпустить. Тронете этого бродягу – будете иметь дело со мной.

Мужики переглянулись. В руках у некоторых из них Глеб увидел короткие дубины и железные кистеньки на цепках.

На лицах мужиков появилось сомнение. Выглядел незнакомец не слишком внушительно, но за его безоглядной дерзостью должно было что-то стоять. Ведь не станет человек бросаться со скалы башкой в гнилой омут, если не уверен, что выплывет.

– Ну! – прикрикнул незнакомец, ободренный молчанием мужиков. – Живо отпустите бродягу!

Мужики готовы были сдаться, и некоторые уже опустили кистени и дубины, но тут один из них – с красной, глумливой и отечной физиономией – выступил из толпы, поднял, ухмыляясь, камень, размахнулся и швырнул его в незнакомца.

Камень шлепнул лошадку по крупу, и та, испуганно заржав, задержалась на месте.

Несколько мгновений, кроме ржания лошади, ничего не было слышно. Мужики словно оцепенели. А потом кто-то хрипло проревел:

– Чего глядим-то, ребята? А ну – бей его!

Толпа загудела, дубинки поднялись, железные кистеньки зазаскрипели на цепках.

– Вали! – гаркнул кто-то, и толпа, словно только и ждала этого сигнала, бросилась на всадника.

Нервный юноша, казалось, не ожидал такого поворота – пару мгновений он просто таращился на несущуюся на него толпу разъяренных мужиков, и лишь когда брошенный камень просвистел у него над самым ухом, выхватил из ножен меч.

Замелькали дубины, засвистели железные гирьки кистеней. В считанные мгновения незнакомец был сброшен со своего коня, а следом за ним на землю, с перебитыми ногами и окровавленным крупом, повалился и сам конь.

Глеб вытянул из ножен меч и шагнул к толпе драчунов.

– А ну – разойдись! – крикнул он и принялся мутузить мужиков голомению меча.

Четверо или пятеро мужиков побросали оружие и схватились руками за разбитые головы и ушибленные бока. Глеб продолжил расчищать себе дорогу мечом, как вдруг до слуха его донесся отчаянный вопль:

– Помогите! Помогите!

Вопль был столь страшен, что битва замерла, и мужики, повернув головы, уставились на толстого Афанаса. Вылупив глаза, толстяк показывал на что-то коротким, пухлым пальцем. Взглянув туда, куда он указывал, мужики побелели от ужаса.

Бродяга, про которого в пылу битвы все как-то позабыли, сидел в углу огороженной площадки и с аппетитом пожирал задушенного пса. Человеческого во внешности бродяги осталось мало.

– У него клыки, – прошамкал один из мужиков разбитым в кровь ртом.

– Да ведь это...

– Оборотень! – крикнул Афанас.

Бродяга вздрогнул от его крика, отшвырнул пса и вскочил на ноги.

– Темная тварь! – завопил кто-то.

Мужики бросились врассыпную. Оборотень молниеносно перемахнул через невысокий частокол, схватил ближайшего из мужиков когтистыми лапами и одним рывком переломил ему шею. Затем резко повернулся, поймал второго и, клацнув зубами, перекусил ему глотку.

Паника и страх помешали мужикам действовать здраво, они налетали друг на друга, спотыкались, толкались, кричали от боли и ужаса, а оборотень, огромный, волосатый, с вытянутой волчьей мордой, прыгал между ними, разя когтями и клацая зубами.

Глеб перепрыгнул через одного из мужиков, оттолкнул в сторону еще двоих и со сверкающим клинком встал на пути у оборотня.

– Эй, волосатый! – окликнул от темную тварь. – Гляди на меня!

Первым ударом Глеб рассек чудовищу когтистую лапу, вторым перебил ему ноги. Когда оборотень упал на землю, Глеб прыгнул ему на грудь, быстро перехватил меч клинком вниз и с размаху вогнал его оборотню в грудь.

Чудовище взревело, дернулось пару раз, пытаясь зацепить Глеба когтями, затем стукнулось волчьей башкой об утоптанную землю и испустило дух.

Глеб сошел с твари, нагнулся к одному из убитых оборотнем мужиков, с треском оторвал от его кафтана клочок ткани и старательно вытер меч. После чего вложил его в ножны и взглянул на нервного юношу.

Паренек поднялся с земли и глядел на Глеба своими серыми блестящими глазами. Бедолаге здорово досталось. На скулах у него темнели синяки, разбитые в кровь губы опухли, усы и борода тоже были перепачканы кровью, левый глаз заплыл, а на худой шее багровела ссадина.

– Как ты? – спросил юношу Глеб. – Живой?

– Да, – отозвался тот севшим от волнения голосом.

Глеб повернулся к мертвому оборотню.

– Хороший экземпляр. Потянет на три дирхема.

– Разве оборотни не боятся дневного света? – спросил парень.

– Боятся, – ответил Глеб. – Да, видно, не очень.

Юноша вложил в ножны меч и сказал:

– Ты помог мне, незнакомец. Что я могу для тебя сделать?

Глеб оглядел юношу с ног до головы и едва заметно усмехнулся.

– Скажешь охоронцам, что оборотня убил ты, – ответил он.

– Зачем это тебе?

– Я огородник. Никто не поверит, что я завалил темную тварь. А ты, по всему виду, человек боевой. К тому же...

Из переулка вывернули три охоронца. Глеб осекся, быстро надвинул на лицо капюшон-наголовник, шагнул под навес и бесшумной тенью проскользнул в кружало.

3

Десять минут спустя нервный юноша остановился возле стола, за которым сидел Глеб, и с улыбкой спросил:

– Ты позволишь мне угостить тебя?

– Валяй, – разрешил Глеб.

– Эй, целовальник! – звонко крикнул парень. – У тебя есть водка?

– Водку подают только в Порочном граде, – прогудел недовольным голосом целовальник. – Могу подать березовицу или олус.

– Две кружки олуса и два вяленых леща! – распорядился нервный незнакомец.

Минуту спустя он бухнул на стол перед Глебом кружки с олусом и плоску с двумя мясистыми вялеными рыбинами.

– Угощайся! – сказал он, усаживаясь напротив и щуря серые глаза. Незнакомец успел стереть кровь с лица, но это мало помогло. Синяки и ссадины пестрели на его худом лице, будто кляксы. Хлебнув олуса, парень поморщился от боли в разбитых губах и сказал: – Княжьи охоронцы были сильно удивлены, когда застали меня над трупом оборотня.

Глеб отхлебнул олуса и обронил:

– Надо думать.

– Они заплатили мне за оборотня три дирхема, как ты и говорил. Эти деньги твои.

Незнакомец полез в карман за деньгами, но Глеб остановил его жестом.

– Оставь себе. Это было твоё сражение.

Тонкие брови парня взлетели вверх.

– В первый раз вижу, чтобы кто-то отказывался от денег, – удивленно заметил он. – Ты что, богатей?

Глеб на это ничего не ответил, он был занят разделыванием рыбы. Тогда парень сказал:

– Меня зовут Бровик, сын Иноха. Я живу недалеко от Хлынь-града и часто бываю здесь.

А ты, должно быть, приезжий?

– С чего ты взял?

– На твоих сапогах толстый слой пыли. И плащ твой пропитан пылью. Ты только что приехал в Хлынь, верно?

Глеб чуть прищурил темные, недобрые глаза.

– А ты наблюдательный. Да, я только что приехал.

– Издалека?

– Издалека.

– И что же привело тебя сюда?

Глеб бросил в рот кусок вяленого леща и запил терпким олусом.

– Ты всегда такой любопытный? – небрежно поинтересовался он у паренька.

– Да, – ответил тот. – А что, это плохо?

– Когда как. Иногда любопытство помогает выжить, а иногда – расстаться с жизнью. –

Глеб отхлебнул из кружки и потянулся за очередным куском рыбы. – Меня зовут Глеб, – сказал он. – Я приехал навестить друга.

– Ты охотник?

Глеб качнул головой:

– Нет. Я выращиваю древесные и земляные плоды.

– Тем и живешь?

– Тем и живу. – Глеб отщипнул большой кусок леща. Затем, пожевывая соленое ароматное мясо, поинтересовался: – Ну, а ты? Чем занимаешься ты?

Бровик нахмурился и деловито сообщил:

– Я купец.

– Вот как? – Глеб едва удержался от усмешки. – Никогда не видел, чтобы купец затевал драку с дюжиной разъяренных молодчиков.

– А я никогда не видел, чтобы огородники так ловко управлялись с мечом, – парировал Бровик.

– Научился, когда отмахивался от соек, – объяснил Глеб. Он прищурился и глухо спросил: – Ты ведь никакой не купец, верно?

– А кто же я?

– Полагаю, что ты... ловчий. Но не самый умелый и удачливый.

Парень слегка побледнел.

– Ты назвал меня неудачником? – тихо процедил он, стиснув в пальцах кружку и сверкнув на Глеба серыми, будто осеннее небо, глазами.

– Я сказал то, что сказал, и не собираюсь повторять, – спокойно произнес Глеб. – Твое здоровье, Бровик.

Глеб отхлебнул олуса и снова потянулся за рыбой. Несколько секунд ловчий молчал, хмуря брови и кусая губы, потом натянуто улыбнулся и сказал:

– Ты прав. Я только недавно стал ловчим. А сюда я пришел в надежде встретить белого чародея, который называет себя Пастырем. Говорят, в это время он часто здесь трапезничает.

– Вот как? – Глеб кивнул, как бы принимая слова юнца к сведению, затем равнодушно осведомился: – Кто такой этот Пастырь и чем он так тебе не угодил?

– Сразу видно, что ты давно не был в Хлынь-граде. Пастырь появился здесь пару месяцев назад. Въехал через городские ворота на белой лошади и в белом одеянии. А за ним ввалилась толпа калик и нищих бродяг, которых он, должно быть, подобрал в канавах за городской стеной. Говорят, волосы и одежда Пастыря сияли золотым светом, и охоронцы не решились его задерживать.

Глеб запил олусом очередной кусок рыбы.

– Что было дальше?

– У восточной стены белый чародей огородил забором участок и назвал его «уграйской кущей». Калики и нищие стали его первой паствой. А потом к его общине стали присоединяться и другие хлынды.

– Что же такого хорошего в этом Пастыре?

– Люди болтают, что он вершит чудеса.

– И какие же?

– Возле вонючей балки когда-то бил родник. Потом его завалили землей и камнями. Когда князь охоронцы пришли брать Пастыря в полон, он ударил посохом в землю, и родник забил снова. Только вместо воды из дыры в земле хлынуло красное вино, по вкусу не хуже византийского.

– Гм... – Глеб задумчиво поскреб ногтями переносицу. – Если все так и было, то это настоящее чудо.

– Все так и было, – подтвердил Бровик. – Охоронцы побросали бердыши и упали перед белым чародеем на колени. Они молили его простить их. Тогда он возложил руки на их головы и сказал, что они ни в чем не виноваты. Охоронцы, а их было пятеро, тут же присоединились к его пастве.

– А князь? – осведомился Глеб, пожевывая вяленую рыбу. – Он не попытался снова полонить чародея?

– Пастырь сам пришел в князь палаты. Его окружили охоронцы, но все они слышали о чудесах, которые он вершит, и боялись подходить к нему слишком близко. Так он прошел до тронного зала, а там его встретила княгиня Наталья. Она не позволила белому чародею войти в покои больного князя Егры. Тогда он сказал, что хочет поговорить с ней.

– А что княгиня?

– Она пришла в ярость от наглости чародея и велела своим охоронцам вышвырнуть его на улицу. Трое ратников бросились к чародею, но он махнул рукою – и ратники разлетелись в стороны, будто их сдуло ветром. Потом Пастырь взглянул на княгиню и сказал, что скоро она сама придет к нему. Потом повернулся к двери и ушел. Так все и кончилось.

Глеб обдумал слова юнца, затем уточнил:

– И что же, княгиня с князем больше не делали попыток взять Пастыря в полон?

Юный ловчий отрицательно качнул головой:

– Нет. Пастырь остался в городе, в «уграйских куцах». Сказывают, что в пастве его уже семь сотен человек. А то и больше.

– И все они живут в этих «куцах»?

– Нет, не все. Там человек сто. Остальные приходят к Пастырю на проповеди. Да он и сам часто ходит по Хлынь-граду. Исцеляет больных, чистит колодцы, простирая над ним длань. Да много еще чего. Народ потянулся к нему со всего княжества. Приезжают сами, привозят больных да увечных.

– Ясно. И зачем тебе понадобился Пастырь?

Несколько мгновений Бровик молчал, недоверчиво поглядывая на Глеба, затем спросил, понизив голос почти до шепота:

– Если скажу, никому не проболтаешься?

– Нет.

– В его «куцах» живет дочь одного купца. Когда Пастырь проходил по их улице, она покинула родной дом и ушла за ним. Купец поручил мне вернуть девку домой.

Парень отломил кусочек леща и задумчиво бросил его в рот. Глеб обратил внимание на то, какие тонкие у него пальцы. Должно быть, ловчий был еще младше, чем выглядел. Лет семнадцать, наверное, не больше.

– Значит, ты профессионал.

– Чего?

– Твое ремесло – ловля беглецов, так?

– Так. Я ведь ловчий.

– Но вряд ли Пастырь согласится отдать молодую купчиху по доброй воле. По дороге в город я услышал про белого чародея много интересного. Говорят, тех, кто ему прекословит, он жестоко наказывает. Некоторые из них даже умирают – от неведомых хворей.

– Я тоже про это слышал, – кивнул Бровик. – Но, как ты сам только что сказал, мое ремесло – ловить беглецов и наказывать похитителей и укрывателей. Так что за меня не волнуйся, уж с одним чародеем я как-нибудь справлюсь.

Внезапно Глебу стало жаль парня, что в последнее время случалось с ним крайне редко. Он давно привык к тому, что человек легко уязвим, а человеческий организм хрупок и недолговечен. Однако смелость, даже такая отчаянная и глупая, как у этого парня, всегда вызывала у Глеба уважение.

Что, если попытаться отговорить парня? Вряд ли он поддастся на уговоры. Но попробовать-то можно?

– Послушай, Бровик, – начал Глеб. – Я неплохо знаю этот город и здешние обычаи. Ты отважный и сильный парень, однако не думаю, что тебе стоит...

– Он идет! – выдохнул ловчий, уставившись на что-то поверх головы Глеба.

За спиной у Глеба скрипнула дверь, и послышался нестройный гул голосов.

4

– Пастырь со своей свитой, – тихим, нервным голосом произнес Бровик. – Он уже здесь. Юнец откинул полу плаща и положил руку на рукоять меча. Глеб нахмурился. Ему необязательно было оборачиваться, чтобы понять – белого чародея сопровождает не меньше полудюжины человек. И если все так, как говорит Бровик, любой из этих людей с радостью отдаст за своего Пастыря жизнь.

Воевать с фанатиками – дело неблагодарное и опасное. Этим ребят тростиной не перешибешь. Будут бить и кусать тебя, пока живы.

– Послушай, ловчий, – снова обратился к юнцу Глеб. – Ты не должен этого делать. Этот Пастырь...

– Не пытайся меня остановить, – быстро сказал Бровик, наблюдая за Пастырем сверкающими от возбуждения глазами.

А за спиной Глеба хозяин кружала уже рассыпался в любезностях.

– Милости прошу в мое заведение, Пастырь! Усаживайся за стол, а уж я тебя угощу на славу!

– Спасибо на добром слове, хозяин, – ответил целовальнику спокойный, властный голос.

Глеб глянул через плечо. Пастырь был именно таким, каким его описывали купцы, с которыми Глеб въехал в город. Роста чуть выше среднего, сложения обычного. Одет Пастырь был в белоснежный балахон, а лицо его, так же как лицо Глеба, было скрыто под наголовником-капюшоном.

Бровик быстро поднялся из-за стола, пригнул голову и двинулся к выходу. На полпути он вдруг резко взял вправо, выхватил из ножен меч и приставил его к горлу белого чародея. Люди Пастыря выхватили мечи и двинулись с места, но Пастырь жестом остановил их.

– Не торопитесь! – спокойно и громко приказал он. Затем обратился к Бровику: – Что тебе нужно, мальчик?

– В твоей пастве есть девка, – резко проговорил мальчишка-ловчий. – Зовут Жилена. Ее отец хочет, чтобы она вернулась домой.

– А ты ей кто? – спросил Пастырь. Голос его по-прежнему звучал спокойно и властно.

– Не важно! Я хочу увести Жилену с собой!

– Хорошо, мальчик. Хорошо. Но ты ведь видишь, что сейчас ее со мной нет.

– Пошли кого-нибудь из твоих холопов! Пусть приведут! До «уграйской куши» чуть больше версты! Если поторопятся, мигом обернутся!

Пастырь молчал – очевидно, обдумывал слова Бровика.

– Ну! – поторопил его юнец. – Делай, что говорю, не то зарежу!

– Вук, – негромко окликнул Пастырь одного из своих людей. – Будь так добр, сходи за Жиленой.

Один из общинников выступил вперед и кивнул.

– Сделаю, отче!

Он развернулся и быстро вышел из кружала.

– Ну вот, – вновь заговорил Пастырь, обращаясь к ловчему. – Вук убежал за девкой. Теперь ты можешь опустить меч.

– И не подумаю! Сперва пусть твой холоп приведет Жилену!

– Что ж... Тогда мне придется кое-что тебе показать. Ты позволишь мне снять наголовник?

– Зачем?

– Здесь жарко. А ждать, быть может, придется дольше, чем мы предполагаем.

Несколько мгновений парень раздумывал, затем сказал:

– Валяй, снимай. Но если вздумаешь дурить мне голову – я тебя зарежу.

Пастырь поднял руки к голове и изящным, величественным жестом снял с головы капюшон. Теперь Глеб смог хорошенько его рассмотреть. Лицо Пастыря было светлокжее и гладкое, словно резец времени ни оставил на нем ни царапин, ни вмятин. И, однако же, оно не казалось молодым. Это лицо – чуть вытянутое, светлоглазое и светлотородое – было словно нарисовано на блестящем листе бумаги. От него так и веяло искусственностью, и от этого Глебу сделалось слегка не по себе.

Пока Глеб разглядывал Пастыря, с ловчим Бровиком что-то случилось. Он вдруг задрожал и опустил меч. Затем сделал шаг назад, наткнулся на стол и вдруг бухнулся на колени.

– Отче... – проговорил он высоким, звенящим голосом, глядя на Пастыря снизу-вверх. – Отче, умоляю...

Белый чародей медленно повернулся и взглянул на юнца.

– Ты посмел поднять на меня меч, – проговорил он ровным, спокойным голосом. – Но я не держу на тебя зла. Ты раб своих желаний, мальчик. Но я освобожу тебя. – Пастырь повернулся к своей свите, вытянул руку и сказал: – Вук!

Тот самый общинник, который пару минут назад (Глеб видел это своими глазами) вышел из кружала и отправился за девкой Жиленой, каким-то непостижимым образом снова находился среди свиты. Он шагнул вперед и вложил в протянутую ладонь Пастыря кривой кинжал.

Белый чародей взял кинжал и обхватил рукоять двумя руками.

– Ты всего лишь раб своих желаний, – повторил он гулким голосом, – но я освобожу тебя.

Он медленно занес кривое лезвие кинжала над головой ловчего Бровика.

– Я освобождаю тебя от бремени твоей ничемной жизни, мерзкий грешник. Аминь!

Глеб надвинул на глаза наголовник и поднялся с лавки.

– Не так быстро, чародей! – громко произнес он.

Пастырь замер и медленно повернул к нему голову. Глядя на Глеба своими светлыми, почти прозрачными глазами, чародей разомкнул уста и спокойно осведомился:

– Ты хочешь что-то сказать, незнакомец?

– Только если ты захочешь слушать, – ответил Глеб.

Пастырь улыбнулся и опустил кинжал.

– Я готов выслушать каждого, сын мой. Говори.

Глеб чуть прищурил темные глаза и уверенно отчеканил:

– Я пришел в кружало с этим парнем. И уйду отсюда с ним же. Хочется тебе этого или нет.

Несколько секунд чародей молчал, с любопытством разглядывая Глеба, потом сказал:

– Я слышу в твоём голосе вызов. Ты в самом деле так храбр? Или борешься с собственной трусостью, как этот мальчик?

– Ты можешь это проверить.

Общинники, сопровождавшие Пастыря, вновь выхватили из ножен мечи и вопросительно посмотрели на своего учителя. Тот улыбнулся и сказал, обращаясь к Глебу:

– Почему бы нам не сесть за стол и не поговорить, ходок?

– Мне не о чем с тобой говорить, чародей.

Пастырь улыбнулся и покачал белой, словно у альбиноса, головой:

– Ты не прав. Людям всегда есть о чем поговорить друг с другом, тебе так не кажется?

– Нет, не кажется, – сухо ответил Глеб. – Мы уходим. Отойдите от моего приятеля на три шага, а я помогу ему подняться.

Несколько секунд Пастырь молчал, затем вздохнул и сказал:

– Что ж... Я предложил тебе дружбу, но ты от нее отказался. Кто не хочет принять в свою душу Господа, тот будет носить в ней дьявола. – Чародей повернулся к своим людям и негромко приказал: – Возьмите его.

Общинники, рослые, с перекошенными лицами и сверкающими фанатизмом глазами, выхватили из ножен мечи и двинулись на Глеба.

Глеб протянул было руку за ольстрой, намереваясь снести первый эшелон общинников Пастыря дробью, однако вовремя опомнился. Горожане уверены, что Глеб Первоход мертв. Не стоит себя выдавать. По крайней мере, не теперь.

И Глеб с лязгом выхватил из ножен меч.

Сражаться с фанатиками – дело неблагодарное. Но это не самое неблагодарное дело, которым приходилось заниматься Первоходу. Несколькими сильными, быстрыми ударами клинка он вышиб мечи из рук первых трех противников. Один из обезоруженных фанатиков бросился на него с голыми руками, и Глеб вынужден был ударить его крестовиной меча в лицо и сломать бедолаге челюсть.

Еще двоим Глеб разбил головы голомению меча, а одному рассек сухожилие на руке.

– Остановитесь! – зычно крикнул Пастырь, воздев руку.

Общинники остановились, хрипло дыша и глядя на Глеба налитыми злобой глазами.

– В этом человеке слишком много зла, – произнес чародей сокрушенным голосом. – Он не видит чудесного мира, который я всем вам показывал. Дети мои, опустите мечи и дайте ему дорогу.

– Отче, но он оскорбил тебя! – яростно крикнул один из общинников.

– Ты ошибаешься. Нельзя оскорбить того, кто лишен гордыни, как нельзя расстроить воровством человека, у которого нет никакого имущества.

Чародей снова взглянул на Глеба.

– Мне очень грустно, ходок, что ты не захотел принять Свет. Только посмотри на то, от чего ты отказываешься!

На мгновение перед глазами Глеба заколыхались золотые волны, и он испытал такое счастье, которое знал, быть может, только в детстве, но Глеб не дал золотым волнам подхватить себя и унести в царство грез, а мотнул головой и рывкнул:

– Хватит, Пастырь! – Тотчас же золотистая пелена спала с глаз Первохода. – Отойдите от парня на три шага! Живо!

Общинники посмотрели на Пастыря. Он кивнул. Они отошли от Бровика и уставились на Глеба. Сжимая в руке меч, Первоход подошел к пареньку, схватил его за плечо и рывком поднял на ноги. Бровик вздрогнул и завертел головой, тупо глядя по сторонам.

– Что со мной?... – пискнул он мальчишеским голосом. – Где я?

– Можешь идти? – спросил его Глеб.

Бровик посмотрел на него и неуверенно пробормотал:

– Да.

– Тогда иди к выходу. К выходу, я сказал! – Легонько толкнув юнца в спину, Глеб выставил перед собой меч, прикрывая отход мальчишки. – А вы стойте на месте! – приказал он общинникам Пастыря. – Или, клянусь Сварогом, я размозжу вам головы!

Дождавшись, пока Бровик выйдет из кружала, Глеб выскользнул на улицу следом за ним. В лицо ему пахнуло прохладным ветром вперемешку с дождевыми каплями. Захлопнув тяжелую дубовую дверь, Глеб поднял с земли осколок полена, быстро вставил его узкой стороной в дверную щель и, поудобнее перехватив меч, ударил им по широкой стороне полена, как молотком. Полено вошло в щель и заблокировало дверь.

Глеб отпрянул от двери и оглянулся. Юного ловчего рядом уже не было. В дверь тем временем заколотили.

– Ходок, ты пожалеешь! – яростно крикнул кто-то.

– Открой нам дверь! – злобно прорычал другой.

– Открой дверь или умрешь!

Глеб двинулся было прочь, но внезапно у него закружилась голова. Он покачнулся и схватился за вереву.

С двух сторон улицы к нему стремительно понеслись черные тени. Глеб хотел поднять меч, но неожиданно на него накатила страшная слабость. Тени приблизились, и вдруг Глеб увидел, что это не просто тени, а жуткие твари, навроде огромных черных воронов с длинными клювами, усыпанными острыми зубами. Глаза воронов были налиты злобой.

Глеба охватила паника. Он повернулся к двери, схватился за ручку и дернул ее на себя. Если бы дверь не была заклинена, он, не раздумывая, вбежал бы обратно в кружало, и плевать, что за дверью были враги. Однако дверь не поддавалась. Глеб обернулся и в ужасе махнул мечом. Клинок прошел сквозь гигантского ворона, как сквозь обрывок черного тумана, не встретив сопротивления.

Еще один ворон спикировал, щелкая зубастым клювом, на Глеба, но Первоход уже успел взять себя в руки.

– Призраки... – с усмешкой проговорил он. – Ловко.

Стоило ему произнести это, как вороны исчезли. Глеб облизнул пересохшие губы. Пастырь каким-то образом вызвал у него галлюцинации, надеясь загнать его обратно в кружало. И проклятому колдуну это почти удалось.

Чтобы окончательно прийти в себя, Глеб нагнулся, зачерпнул из лужи пригоршню холодной воды и плеснул себе на лицо. Сознание его окончательно прояснилось.

В дверь снова начали колошматить, и на этот раз так яростно и сильно, что она закачалась и закричала на петлях. Пора было уносить ноги. Глеб повернулся и быстро пошел прочь.

В двадцати шагах от кружала, возле лавки зеленщика, мужики таскали тюки и ящики к телегам. Один из них поставил ящик на мокрую землю, вытер ладонью мокрое лицо и вдруг уставился на Глеба. Только сейчас, почувствовав, что по лицу льется дождевая вода, Глеб понял, что капюшон сполз с его головы. Он быстро натянул капюшон на голову, но было уже поздно.

– Это ж Первоход! – крикнул мужик. – Гляньте – это тот самый ходок!

– Который? – спросил другой мужик.

– Тот, за голову которого обещана награда!

Мужик, вытиравший лицо, шагнул к телеге и выхватил из-под рогожи вилы. Затем, бешено вращая глазами, ринулся на Глеба с вилами наперевес. Глеб молниеносно выхватил из ножен меч, отбил атаку и всадил клинок мужику в руку. Тот заорал от боли, выронил вилы и грохнулся на землю.

Еще пять или шесть мужиков бежали к Глебу с вилами и молотилками. Глеб с досадой сплюнул себе под ноги, повернулся и побежал прочь. Но травмированная спина давала о себе знать, и мужики быстро нагоняли Глеба.

– Он почти наш! – крикнул кто-то.

– Прон, швыряй в него вилы!

Вилы, брошенные сильной рукой мужика, просвистели рядом с головой Глеба и вонзились в дерево. «Придется драться», – с неудовольствием подумал Глеб и остановился, намереваясь расшвырять мужиков, как свору свирепых бродячих псов.

И вдруг из-за угла вынырнула крытая рогожей телега, прогромыкала по листовничной мостовой и остановилась рядом с Глебом.

– Прыгай, ходок! – крикнул женский голос.

Глеб не заставил себя уговаривать. Он быстро запрыгнул на телегу, и женский голос крикнул:

– Гони, Бушуй!

Телега дернулась и снова загромыкала по мостовой, быстро набирая скорость. Однако мужики не думали отставать. Слишком уж лакомым куском был для них Глеб Первоход.

- Куды! – орал один из них, несясь за телегой.
- А ну стой! – орал второй.
- Охоронцы! Сюда! – голосил третий. – Первоход утекает!
- Бушуй, пришпорь коней! – властно приказал женский голос.

Человек, сидевший на облучке, хлестнул коней по крупам гибким кнутом. Те, коротко заржав, понесли еще быстрее. В конце концов мужики остались позади. Телега свернула за угол, проехала, не сбавляя хода, еще с полверсты, а затем сидящий на облучке громила слегка осадил коней, и они замедлили свой стремительный аллюр.

– Кажется, ушли, – сказал Глеб, скользнув взглядом по стройной фигурке женщины, лицо которой скрывала темная, полупрозрачная ткань, похожая на вуаль. – Благодарствую за помощь. А теперь мне, пожалуй, пора.

Он хотел спрыгнуть с телеги, но женщина схватила его за руку.

– Нет, Глеб! Не пора!

Глеб удивленно воззрился на женщину. Она подняла руки и откинула вуаль.

– Ты! – тихо выдохнул Глеб.

Женщина кивнула.

– Да. – И снова опустила вуаль. – Я хочу поговорить с тобой, Первоход.

– А я – нет. Прощай.

Глеб повернулся к высокому борту телеги, но женщина с горечью проговорила:

– Это я помогла тебе выбраться из подземелья, Глеб. Я спасла тебя от дыбы.

Глеб остановился.

– Значит, это ты послала в подземелье старуху с ключами? – мрачно уточнил он.

Княгиня Наталья, а это была именно она, кивнула.

– Да.

Глеб прищурил недобрые глаза и сухо спросил:

– Не проще ли было бы отпустить меня без всяких затей?

Княгиня покачала головой:

– Нет. Я не могу. Ты преступник, Первоход. Я была бы рада простить тебя, но бояре меня не поймут.

– Они по-прежнему верят, что твоими устами говорит князь?

– Да.

Глеб усмехнулся:

– Зря ты это. Пока княжеством правит мертвец, в нем не будет ни порядка, ни толку.

– Это решать не тебе, Первоход.

– Вот как? Тогда почему ты помогла мне сбежать?

– Потому что нам нужна твоя помощь.

– Кому это «нам»?

– Нам... – Голос княгини Натальи дрогнул, и она тихо поправилась: – Мне.

По лицу Глеба пронеслась тень. Лицо его стало еще злее и угрюмее.

– И чем же простой огородник может помочь светлейшей княгине? – холодно осведомился он.

– Бушуй, осадь лошадок, у меня кружится голова! – приказала княгиня Наталья. Затем, когда телега покатила еще медленнее, снова взглянула на Глеба сквозь черную вуаль и холодно ответила ему: – Я хочу, чтобы ты помог мне избавиться от одного человека.

5

– Что это за человек? – спросил Глеб после паузы.

– Он называет себя Пастырем, – ответила княгиня. – Ты ведь его уже видел, верно?

Глеб нахмурился и ответил:

– Верно.

– Он опасен, Глеб.

– И чем же?

Княгиня Наталья вздохнула:

– Власть уходит у меня из рук. Половина домовых бояр – его общинники. Сварога они не почитают, на Велеса плюют. Было ли когда-нибудь такое прежде! Пастырь хочет, чтобы и я приняла его веру. И если его кто-нибудь не остановит, когда-нибудь это случится.

– И что же в этом плохого? – поинтересовался Глеб.

– То, что я больше не буду княгиней, – тихим, дрогнувшим голосом ответила Наталья. – Пастырь просто займет мое место.

Она помолчала, теребя в пальцах черный платок, затем продолжила:

– Он теперь часто бывает в княжских палатах. С каждым днем поклонников у него становится все больше и больше. Я и сама... все больше покоряюсь ему.

– Но зачем?

– Он может исцелить любую хворь, Глеб. И он показывает людям настоящие чудеса. Но и это не главное. Главное, что Пастырь показывает людям прелестные картинки.

– Как это? – не понял Глеб.

– Не знаю, как сказать... Но когда он рядом, живется и дышится легче. Даже мне. Мир вокруг словно бы преображается. Как если бы туча, скрывающая солнце, рассеялась и все вокруг заиграло в его золотых лучах.

Глеб задумался.

– А что, если тебе приблизить его к себе? – предложил он после раздумий. – Сделай его своим советником. Если людям с ним так хорошо, будь рядом, раздели с ним его славу. Пусть все будут счастливы, и делу конец.

Княгиня покачала головой:

– Ты не понимаешь, Первоход. Все, что он делает – это неправда. Я не знаю, как тебе объяснить... Но только когда он уходит, все становится еще хуже. Как будто тебе показали море, а потом снова швырнули головой в навозную кучу.

Глеб усмехнулся.

– Сравнение не из княжеского лексикона, – заметил он. – Что же ты хочешь, чтоб я сделал?

– Я не знаю. Но, если так пойдет и дальше, скоро он станет самым главным человеком в княжестве. А светлейший князь станет лишь куклой в его руках.

– Мертвой куклой, – напомнил Глеб. – Князь Егра мертв, если ты забыла.

– Князь Егра, даже мертвый, продолжает править княжеством, – возразила Наталья. – Кукла – не он, а я. Не смотри так, Первоход. Я говорю правду. Ты считаешь меня всесильной, но я всего лишь кукла в его мертвых руках, и с каждым годом эти руки кажутся мне все более живыми.

Глебу надоел этот разговор. Он нахмурился и сказал, пожалуй, чуть более резким голосом, чем следовало бы:

– Ты хочешь избавиться от Пастыря? Нет ничего проще! Прикажи своим охоронцам схватить его и отправить на дыбу. У вас же тут с этим просто.

Несколько секунд княгиня молчала. А когда снова заговорила, голос у нее был тусклый и безнадежный:

– Они не выполняют мой приказ. И это будет конец. А даже если выполнят, то община отобьет Пастыря. Многие в городе считают его богом. Поднимется волнение, и меня просто сметут с земли. Казна пуста... Серебра едва хватает, чтобы платить жалованье охоронцам. Война с Голядью отняла слишком много сил, Глеб.

Глеб дернул щекой.

– Ты боишься, что Пастырь вытряхнет тебя и твоего мертвого князя из дворца и сам усядется на трон. Это я понимаю. Но я-то чем могу тебе помочь? Мне что, убить Пастыря?

– Не знаю, – тихо выдохнула княгиня Наталья. – Но если кто-то и сможет остановить его, то только ты.

Глеб поморщился:

– Блин... Как все у вас легко. «Если кто-то и сможет, то только ты». Чуть что случится, зовете Первохода. А когда все заканчивается, то вместо благодарности отправляете его на дыбу.

– Глеб, я...

– Да, знаю, знаю. Сильная княжеская власть, и все такое. Одно непонятно: почему княжеская сила должна проявляться только в злых и жестоких делах? Построили бы школы да больницы. Дети, даже дети купцов и бояр, не понимают грамоте и не могут нацарапать не бересте свое имя. Больных в княжестве больше, чем здоровых. Люди мрут, как мухи, даже без моровой язвы. А вы там сидите, вцепившись в трон, и боитесь что-то сделать для людей, потому что для этого придется выпустить трон из рук.

– Упреки твои справедливы, Первоход, – сказала княгиня. – Но все не так просто, как ты думаешь.

– Точно, – кивнул Глеб. – Править княжеством – это не в Гиблое место ходить. Так ты мне когда-то сказала. Но знаешь, я ведь в Гиблое место тоже не по грибы хожу.

– Я понимаю, Первоход. Я все понимаю. Но... ты pomoжешь мне?

– Убить Пастыря? – Глеб качнул головой. – Нет, не думаю.

Наталья помолчала, теребя платок.

– Глеб, ради нашей дружбы... – тихо и неуверенно проговорила она. – Ведь были же мы когда-то близки...

– Призраки прошлого не по моей части, – отрезал Глеб.

Несколько секунд княгиня молчала, кусая губы, потом хрипло сказала:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.